ИЗДАНІЕ КОМИТЕТА ПАМЯТИ П. Л. ЛАВРОВА

481
Л 132

П. Л. ЛАВРОВЪ

Кому принадлежитъ будущее ?

РАЗГОВОРЪ ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

Цѣна 1 франкъ

1902

—

Типографія Группы Старыхъ Народовольцевъ.

ИЗДАНІЕ КОМИТЕТА ПАМЯТИ П. Л. ЛАВРОВА

4В1
Л 132

П. Л. ЛАВРОВЪ

Кому принадлежитъ будущее?

РАЗГОВОРЪ ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

Цѣна 1 франкъ

1902

Типографія Группы Старыхъ Народовольцевъ.

3 экз.

К.

ЦВ1
Л132

~~037-1924~~ 411606 у

Библиотека
Института В. И. Ленина
№ ~~119.~~

2011

У 83

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Комитетъ памяти П. Л. Лаврова, не имѣя пока возможности приступить къ изданію полнаго собранія сочиненій великаго мыслителя, рѣшилъ печатать отдѣльныя статьи, вышедшія изъ-подъ пера Петра Лавровича и представляющія особый интересъ въ томъ или другомъ отношеніи. На первый разъ мы избираемъ столь надѣлавшій въ свое время шуму «Разговоръ послѣдовательныхъ людей», который сводитъ въ полубеллетристической формѣ на очную ставку различныя міровоззрѣнія и въ окончательномъ результатѣ внушаетъ всякому непредубѣжденному человѣку глубокую вѣру въ близкое торжество соціализма. Мы увѣрены, что этотъ этюдъ не только доставитъ читателямъ крупное умственное наслажденіе, но послужитъ могучимъ орудіемъ соціалистической пропаганды. Мы считаемъ совершенно излишними всякія дальнѣйшія поясненія: небольшой, но замѣчательный трудъ нашего учителя достаточно отвѣчаетъ самъ за себя, и мы спѣшимъ предоставить слово самому П. Л. Лаврову, одному изъ замѣчательнѣйшихъ соціалистическихъ мыслителей всего міра. Пусть, какъ при жизни, льется изъ сомкнувшихся на вѣки устъ горячая и убѣдительная проповѣдь ученія коллективнаго труда и братской солидарности!...

Это было въ одной изъ бѣдныхъ лондонскихъ тавернъ, около Клеркенуэля, въ тѣ часы, когда таверны вообще пусты и рѣдкіе посѣтители случайно забредутъ спросить кружку пива или стаканъ джину.

Но въ одномъ изъ отдѣленій довольно грязной залы сидѣло нѣсколько человѣкъ. Они пришли по одиночкѣ, почти одновременно, и молча заняли мѣста одинъ подлѣ другаго. Было очевидно, что они всѣ пришли для одного и того же, что они всѣ отлично знали другъ друга, но на столько же было очевидно, что они смотрѣли другъ на друга скорѣе враждебно, чѣмъ дружески, что они были не только не товарищи по общему дѣлу, но противники, лишь по особому поводу сошедшіеся въ одно мѣсто, сидящіе за однимъ столомъ. Только одинъ изъ нихъ, садясь на свое мѣсто, обратился къ своимъ сосѣдямъ съ легкимъ полупоклономъ, на который они отвѣтили, какъ будто, неохотно. Это былъ высокій лысый англичанинъ въ золотыхъ очкахъ, съ высокимъ лбомъ, съ безстрастными сѣрыми глазами, въ безукоризненномъ англійскомъ черномъ костюмѣ.

Онъ вошелъ въ таверну въ то самое время, какъ пробило три часа и его, очевидно, ждали. Едва онъ сѣлъ, въ отдѣленіе, занятое обществомъ, принесли пива, шесть кружекъ и два запечатанныхъ письма. Одно изъ нихъ,

Институт Д. И.

очевидно, залежалось давно. Это было небольшое письмо въ изящномъ конвертѣ съ штемпелемъ изъ Рима, и на немъ была надпись, которую съ трудомъ можно было разобрать, съ адресомъ таверны, съ указаніемъ того самаго дня, въ который происходило описываемое собраніе, и съ прибавкою словъ: „Обществу послѣдовательныхъ“.

Другой пакетъ былъ большой, оффиціальный пакетъ, въ форменномъ конвертѣ, съ совершенно такимъ же адресомъ, но писаннымъ четкой секретарской рукой, съ штемпелемъ изъ Ниццы. Лондонскій штемпель былъ отъ самаго дня собранія.

На столъ поставили шесть кружекъ, но за нимъ сидѣло только четыре человѣка. Одинъ изъ нихъ былъ упомянутый уже выше лысый англичанинъ въ золотыхъ очкахъ. Другой былъ средняго роста, широкій и коренастый нѣмецъ съ нѣсколько восточнымъ профилемъ, съ перстнями на пальцахъ широкой руки, въ сюртукѣ самаго тонкаго сукна, и на широкой груди его, по бѣлому жилету, какъ бы на показъ, выставлялась тяжелая и дорогая золотая цѣпочка; темные глаза его смотрѣли хищно; движенія были рѣзки и самоувѣрены. Третій собесѣдникъ былъ въ поношенной синей французской блузѣ, и въ немъ съ перваго взгляда былъ виденъ уроженецъ южной Франціи. Четвертый былъ, очевидно, католическій священникъ; худой, нѣсколько сгорбленный, съ желтымъ лицомъ, съ впалыми щеками, вся жизнь его, повидимому, сконцентрировалась въ большихъ черныхъ глазахъ, полныхъ итальянскаго огня и итальянской живости.

Англичанинъ посмотрѣлъ на часы, взялъ пакеты, распечаталъ ихъ, пробѣжалъ ихъ содержаніе, сдѣлалъ отмѣтки карандашемъ на прочитанномъ, вынулъ изъ кармана старый нумеръ газеты, на которомъ была сдѣлана отмѣтка синимъ карандашемъ, приложилъ его къ бумагамъ, затѣмъ вынулъ изъ другого кармана небольшой и довольно потертый черный футляръ, въ которомъ оказалось старое письмо, и, развертывая письмо, началъ:

„Изъ шестерыхъ насъ осталось на сегодня четверо. Тому пять мѣсяцевъ было напечатано въ газетахъ о смерти знаменитаго художника, который въ нашемъ кружкѣ носилъ имя Джуліо. Такъ какъ на мнѣ этотъ разъ лежала обязанность устроить наше собраніе и открыть его, то я сохранилъ нумеръ газеты, гдѣ находилось извѣстіе о его смерти, о торжественныхъ похоронахъ его въ Римѣ и о рѣчахъ, при этомъ произнесенныхъ, чтобы доложить вамъ всѣ эти факты. Но нашъ товарищъ до послѣдней минуты жизни не забылъ обязательства, на себя имъ принятаго, и наканунѣ смерти написалъ намъ письмо, которое здѣсь передъ нами. Какъ предвидѣлъ и желалъ нашъ учитель, онъ остался до конца вѣренъ своему убѣжденію.

„Другой товарищъ нашъ, которому мы сохранимъ его, привычное между нами, названіе Барона, надѣялся до послѣдняго дня пріѣхать, но все усиливающаяся болѣзнь удержала его въ Ниццѣ, и сегодня утромъ получѣнъ отъ его секретаря пакетъ съ извлеченіемъ изъ сообщенія, которое онъ хотѣлъ сдѣлать сегодня. По частному письму, которое я получилъ сегодня же отъ моего короткаго пріятеля, состоящаго при немъ медикомъ, болѣзнь его неизлѣчима, и ему остается едва ли нѣсколко мѣсяцевъ жизни.

И такъ нынѣшнее собраніе мы откроемъ вчетверомъ и можемъ немедленно приступить къ дѣлу. По принятому порядку, мы начнемъ съ прочтенія завѣщанія нашего учителя.“

Онъ разгладилъ старое письмо, вынутое имъ изъ чернаго футляра, и началъ:

„Мои силы слабѣютъ, и мои послѣднія слова обращены къ вамъ, которымъ я передалъ лучшее, что во мнѣ было; вамъ, которыхъ развитіе доставило едва ли не единственное удовольствіе въ жизни и составило едва ли не единственный успѣхъ, мною достигнутый.

„Я умираю на восьмидесятомъ году такимъ же скептикомъ, какимъ былъ съ перваго пробужденія во мнѣ самостоятельной мысли, и, между тѣмъ, ничего я не же-

лалъ такъ сильно, какъ крѣпкаго убѣжденія; ни къ чему не стремился такъ старательно, ничего не искалъ такъ неутомимо.

„Когда я убѣдился, что не въ состояніи, по моему складу мысли, по особенности моего характера, достячь этой желанной цѣли, я постарался развить педагогически въ другихъ то, на что самъ не былъ способенъ. Я завелъ школу, гдѣ употребилъ все свое стараніе на развитіе послѣдовательности въ мысли и энергіи характера воспитанниковъ, не только не навязывая имъ какого бы то ни было единообразнаго взгляда на жизнь, но стараясь въ каждомъ развить до послѣдней возможности то направленіе, которое само собою вырабатывалось изъ его физическихъ и психическихъ особенностей. Каково бы ни было убѣжденіе, къ которому склонялся мой воспитанникъ, я давалъ ему всѣ средства открыть и усилить аргументы въ пользу этого убѣжденія, ослабить и уничтожить аргументы противниковъ; я старался направить всѣ силы его ума на послѣдовательную обработку міросозерцанія въ смыслѣ этого убѣжденія, всѣ силы его характера на энергическое воплощеніе въ жизнь того, что онъ послѣдовательно продумалъ.

„Большинство моихъ учениковъ не дало мнѣ желательныхъ результатовъ. Они не были въ состояніи послѣдовательно мыслить, останавливались передъ логическими результатами собственныхъ положеній, хотѣли согласить несогласимое, пугались рѣзкаго противурѣчія своей мысли съ установившимися общественными мнѣніями. Другіе не могли установить себѣ яснаго и опредѣленнаго убѣжденія, преслѣдовали одновременно нѣсколько жизненныхъ цѣлей. Третьи оказывались вовсе неспособными къ какому бы то ни было энергическому убѣжденію, для осуществленія котораго они могли бы отречься отъ всѣхъ благъ жизни и личныхъ привязанностей, принести въ жертву все и всѣхъ на свѣтѣ. Они выходили изъ моей школы нѣсколько сильнѣе мыслію и нѣсколько крѣпче характеромъ, чѣмъ другіе молодые люди ихъ лѣтъ, но это было вовсе не то, чего я хотѣлъ.

„Только шесть человѣкъ изъ моихъ многочисленныхъ воспитанниковъ соотвѣтствовали моимъ желаніямъ и ожиданіямъ. Это были вы. Ваши стремленія, характеры и развитіе были рѣзко различны и рѣзко опредѣленны, но каждый изъ васъ обладалъ двумя условіями, которыя для меня были единственно существенны: послѣдовательною мыслью и неуклоннымъ, энергическимъ убѣжденіемъ. Я не жалѣлъ средствъ и стараній, чтобы развить каждаго изъ васъ, именно въ томъ направленіи, которое его характеризовало, чтобы усилить и опредѣленнѣе очертить его особенность, дать ему наилучшіе аргументы для защиты его взгляда на вещи, вселить въ него самую неумолимую рѣшимость додумать свою мысль послѣдовательно до конца и воплотить ее въ жизнь, чего бы это ни стоило и къ какимъ бы результатамъ ни привело. Каждый мѣсяцъ вы сходились подъ моимъ руководствомъ на диспуты, и я безпристрастно выслушивалъ эти диспуты, помогая каждому въ логическомъ развитіи мысли и въ выработкѣ плановъ ея практическаго примѣненія.

„При выходѣ изъ моей школы, я взялъ съ васъ слово съѣзжаться ко мнѣ въ опредѣленные сроки и продолжать ваши совѣщанія, провѣряя ихъ практикою жизни. Вы сдержали ваше слово.

„Вы вступили на практическую дѣятельность, пошли по разнымъ дорогамъ, и, къ моей особенной радости, остались вѣрны неуклонной послѣдовательности мысли, сохранили энергію убѣжденія. Вы стали неизбѣжно врагами; ваши убѣжденія укрѣпились аффектами борьбы, радостью побѣды, злобою пораженія, и теперь, когда мнѣ осталось нѣсколько дней, можетъ быть, нѣсколько часовъ жизни, я могу сказать вамъ, что вы оправдали мои ожиданія: вы показали мнѣ, что возможно и мыслить послѣдовательно и выработать въ себѣ крѣпкія убѣжденія.

„Ваши способности и ваши знанія, энергія мысли и рѣшимость дѣйствовать доставили вамъ каждому видныя мѣста въ обществѣ. Мнѣ нѣтъ дѣла до вашихъ ти-

туловъ и настоящихъ именъ. Вы для меня остались и теперь съ тѣми прозвищами, которыя я вамъ далъ въ въ школѣ и которыя вы обѣщали сохранить въ вашихъ совѣщаніяхъ. Иныя изъ нихъ были пророческими. Баронъ теперь государственный человѣкъ, одинъ изъ двигателей европейской политики. Профессоръ — свѣтило науки, знаменитость ученыхъ обществъ. Джуліо — первостепенный живописецъ. Инквизиторъ — соперникъ Антонелли, одинъ изъ столповъ римскаго клерикализма. Менѣе удачно далъ я пятому изъ васъ названіе Картежника; въ 25 лѣтъ онъ не только бросилъ карты и кутежъ, но сталъ образцово-порядочнымъ человѣкомъ, теперь стоитъ въ первомъ ряду биржевыхъ царей и промышленныхъ предпринимателей; онъ считаетъ свое состояніе милліонами; его подпись имѣетъ болѣе цѣнности, чѣмъ ручательство цѣлаго государства, и при всемъ томъ онъ не измѣнился, остался послѣдователенъ въ мысли и вѣренъ первоначальнымъ убѣжденіямъ. Менѣе другихъ удалось Бабэфу, потому что весь современный строй противъ него; онъ остался почти нищимъ, провелъ не мало лѣтъ въ тюрьмахъ; не разъ едва спасся отъ казни; но его имя, проклинаемое всѣми людми „порядка“, всѣми защитниками государства, произносится съ благоговѣніемъ милліонами пролетаріата, его рѣчи на рабочихъ конгресахъ читаются нарасхватъ и врагами, и приверженцами; при одномъ извѣстіи о его появленіи въ данномъ государствѣ министры блѣднѣютъ, полиція приходитъ въ движеніе, всѣ ждутъ народнаго возстанія, или, по крайней мѣрѣ, громадныхъ стачекъ. Не смотря на гоненія, не смотря на пріобрѣтенное вліяніе, онъ остался вѣренъ своей мысли и своему убѣжденію.

„Останьтесь же и въ будущемъ одинъ для другого съ этими названіями. Прошу васъ исполнить до конца послѣднюю волю вашего умирающаго учителя. Съѣзжайтесь черезъ каждые пять лѣтъ въ день моей смерти, назначая поочередно мѣсто собранія, и за стаканомъ пива или вина высказывайте другъ другу откровенно

свои убѣжденія и надежды осуществить ихъ на дѣлѣ, какъ бы эти убѣжденія ни были противуположны, какъ бы ваши жизненныя стремленія ни были враждебны.

„Я усталъ писать и больше не возьму въ руки пера. Я надѣюсь, что вы будете помнить вашего стараго учителя-скептика и исполните его волю. Прощайте! Идите каждый до конца своею дорогою, къ чему бы она васъ ни привела. Думайте послѣдовательно и дѣйствуйте энергично.“

Профессоръ сложилъ письмо, вложилъ его въ черный футляръ и пододвинулъ къ Бабэфу, который молча положилъ его въ карманъ.

Затѣмъ профессоръ продолжалъ, развертывая письмо Джуліо:

„Мы приняли обязательство исполнить волю учителя и до послѣдняго раза собирались всѣ. Одинъ изъ насъ, Джуліо, остался вѣренъ данному обѣщанію до смерти, и его послѣднему слову принадлежитъ первое мѣсто на сегодняшнемъ собраніи.“

„Пишу дрожащею рукою — пишетъ Джуліо — братьямъ-товарищамъ, братьямъ-врагамъ. Я — одинъ изъ всѣхъ васъ никого изъ васъ не ненавидѣлъ, ни съ кѣмъ изъ васъ не боролся, и теперь, въ послѣднія минуты жизни, съ теплою любовью отношусь къ каждому изъ васъ. Я съ наслажденіемъ слушалъ и могучую научную логику профессора, и пламенную религіозную проповѣдь инквизитора, и тонкія политическія соображенія барона, и широкія финансовыя комбинаціи Картежника, и грозный революціонный призывъ Бабэфа. Для меня все полно жизни и прелести, потому что я одинъ изъ васъ вижу живую, вѣчно-прекрасную сторону того, что для васъ самихъ есть лишь проходящее средство для далекой цѣли. Когда я плакалъ при звукахъ органа и ждалъ чуда св. Януарія вмѣстѣ со всѣмъ трепещущимъ народомъ, я понималъ величіе религіи настолько же, какъ понималъ величіе революцій въ минуту, когда стоялъ съ Бабэфомъ на баррикадѣ подъ краснымъ знаменемъ, и подъ ногами моими хрустѣла кукла мадонны, брошенная на

баррикаду рядомъ съ бочками изъ сосѣдняго погреба. Я съ замираніемъ сердца и съ наслажденіемъ слѣдилъ за успѣхами сыщиковъ Барона, когда они розыскивали радикаловъ; и съ такимъ же наслажденіемъ, съ такимъ же замираніемъ сердца ждалъ, чтобы удался опытъ Профессора, чтобы мертвая жидкость закишѣла бактеріями и монадами; съ такимъ же наслажденіемъ и замираніемъ сердца стоялъ подлѣ Картежника на биржѣ и слѣдилъ за выигривавшими милліоны отъ одной телеграммы, за блѣдностью раззорявшихся спекуляторовъ. Что мнѣ ваши цѣли? что мнѣ все далекое, отвлеченное? Жизнь не въ этомъ: она въ стройной формѣ настоящей минуты, въ патетическомъ потрясеніи данныхъ личностей, отъ чего ни происходило бы это потрясеніе, что ни скрывалось бы подъ этою формою. Все проходитъ, смѣняется, умираетъ. Безсмертно лишь то, что схвачено искусствомъ, что оно обезсмертило. И безсмертно оно только потому, что прекрасно, художественно схвачено. Содержаніе идеи, нравственныя цѣли жизни, научная система — все дребедень. Живетъ и можетъ жить только искусство, потому что оно безсмертно и даетъ безсмертіе. Оно одно — все примиряетъ и все оживляетъ. Внѣ его — одна пошлость и мелочность. Но чего оно коснется, то живо на вѣки, и я каждому изъ васъ доказалъ это.

„Помните ли, Инквизиторъ, мою картину Христа, отказывающагося отъ своей матери и своихъ братьевъ? Не говорили ли вы, что этотъ Христосъ долженъ быть въ кельѣ каждаго монаха, что въ его взглядѣ, въ его движеніи аскетъ долженъ черпать силу убить всѣ привязанности, всѣ человѣческія чувства и связи на алтарѣ религіи, которая не должна знать ничего человѣческаго?

„А вы, Профессоръ, помните ли мою другую картину, изображающую того же Христа, картину, съ которой и вы пожелали имѣть снимокъ для вашего „Генезиса человѣческихъ заблужденій“. Я передалъ минуту, когда Христосъ объявляетъ себя Мессіею, и вы признались, что для психіатра это была драгоцѣннѣйшая

иллюстрація помѣшательства религіознаго визіонера и идіотическаго вѣрованія неразвитыхъ послѣдователей его.

„Одно искусство, всесильное всегда и вездѣ, могло изобразить одну и ту же личность богомъ для фанатика и помѣшаннымъ для ученаго реалиста. Реальный Христосъ могъ быть или не быть; все равно: онъ живетъ, какъ божественный типъ въ воображеніи вѣрующаго, какъ типъ психопата въ мысли ученаго, и лишь творчество искусства дало ему эту жизнь.

„И не разъ я доказывалъ борющимся партіямъ, что искусство ихъ господинъ, что оно можетъ по своей волѣ воплотить въ очевидность какую угодно идею, какое угодно нравственное или политическое стремленіе. Припомните, напримѣръ, двѣ мои картины, выставленныя рядомъ въ Парижѣ. На одной Людовикъ XIV произноситъ свое: „государство, это — я“; и зритель долженъ былъ невольно согласиться, что всѣ эти опытные, умные, заслуженные, почтенные, но обыкновенные люди, къ которымъ обращена гордая рѣчь короля, суть низшія, ничтожныя существа передъ личностью монарха, просвѣтленнаго величіемъ своего сана, какъ бы обоготвореннаго искусствомъ. На другой картинѣ я изобразилъ Сентябрсміе дни 1792 г., и всякій зритель сознавалъ въ кровавыхъ, безпощадныхъ палачахъ не представителей минутной страсти, временнаго взрыва, а мстителей за нѣсколько вѣковъ народнаго страданія, воплощеніе исторической заслуженной казни надъ гнилымъ, себялюбивымъ и безсмысленнымъ міромъ; беззащитныя, гибнущія жертвы стали подъ моею кистью наглядными представителями отжившаго прошедшаго, того развращеннаго дворянства и духовенства, которыя сами погубили себя своимъ эгоизмомъ и своею ограниченностью. — Для всемогущаго искусства одинаково удобенъ и одинаково нагляденъ былъ апоѳеозъ деспотической монархіи и кровавой народной революціи.

„А мои двѣ акварели: фабрикантъ и поденьщикъ, изъ которыхъ одна обогатила бы меня, если бы я былъ въ состояніи удержать у себя деньги, а другая и въ деше-

вомъ политипажѣ разошлась въ нѣсколькихъ стахъ тысячахъ оттисковъ среди рабочихъ Европы. Это были одни и тѣ же лица, почти въ томъ же положеніи, но нѣсколько штриховъ — и картинки составляли поразительный антитезъ. Съ одной стороны передъ вами былъ представитель энергичной интеллигенціи, развитаго человѣчества, рядомъ съ тупымъ идіотомъ, который безъ мысли перваго остался бы вѣчно въ доисторическомъ періодѣ развитія; передъ вами былъ естественный повелитель и руководитель рядомъ съ человѣкомъ, обреченнымъ самою природою на вѣчное подчиненіе. Съ другой стороны, вы имѣли вырождающійся, испорченный типъ эксплуататора, живущаго чужимъ умомъ, чужимъ трудомъ, и передъ нимъ былъ представитель труда, подавленнаго исторіей, но выработавшаго въ вѣчной борьбѣ здоровую мысль и энергическую ненависть къ своему врагу; вы говорили себѣ: это — отживающій міръ, который обреченъ на скорую гибель, и гибель его придетъ отсюда, отъ этого умнаго, озлобленнаго человѣка, который такъ спокойно смотритъ на своего плута-патрона, но потому лишь, что готовится нанести ему смертельный ударъ. — Весь соціальный вопросъ, надъ которымъ такъ бьются мои друзья Картежникъ и Бабэфъ, былъ рѣшенъ мною въ этихъ двухъ акварелях въ нѣсколько минутъ, рѣшенъ по произволу въ ту или другую сторону, потому что искусство господствуетъ надъ всѣмъ, повелѣваетъ всѣмъ, по произволу, по прихоти минуты возвеличиваетъ и унижаетъ; внѣ его все мелко, ничтожно, мертво. Внѣ его нѣтъ жизни, нѣтъ истины, нѣтъ нравственности. Оно одно даетъ жизнь, одно — создаетъ истину, создаетъ нравственность.

„Да, друзья мои, оставьте ваши пустые споры изъ за мелочей, изъ за пустяковъ, изъ за безсодержательныхъ стремленій. Надъ нами, далеко и высоко, стоитъ область, гдѣ все это примирено, потому что все изъ нее лишь черпаетъ свою силу; это — область эстетической формы, область художественнаго патетизма. область искусства. Религія и наука — пустыя слова внѣ

соотвѣтственнаго патетическаго настроенія. Искусство оживитъ своимъ дыханіемъ религіозные типы, и за ними идутъ народы на побѣды и на гибель. Искусство отхлынуло отъ этихъ типовъ, и религія обратилась въ безсмысленныя дѣтскія побасенки. Научная истина открыта, но безсильна, пока ученый не нашелъ той формы, въ которой истина станетъ убѣдительна для общества, пока общество не выработало въ себѣ того настроенія, въ которомъ оно способно воспринять и усвоить научное убѣжденіе. Я уже не говорю о такъ называемыхъ нравственныхъ, политическихъ, соціальныхъ истинахъ. Онѣ становятся истинами, становятся движущими историческими силами, когда талантливый ораторъ или публицистъ воплотитъ ихъ въ краснорѣчивое слово, въ ѣдкую статью; когда художникъ поэтъ, скульпторъ или живописецъ создастъ изъ нихъ безсмертный типъ, когда художникъ-историкъ поставитъ ихъ представителей, какъ безсмертныя цѣльныя личности, на поклоненіе потомства. Пока не совершился надъ идеями этотъ процессъ художественнаго преображенія, до тѣхъ поръ онѣ вовсе не истины, вовсе не историческія силы, а пустая болтавня, посмѣшище для толпы, предметъ поруганія для руководителей мысли.

„Религія, философскія міросозерцанія, нравственныя и соціальныя ученія, научныя теоріи одна за другой являются на историческомъ горизонтѣ, чтобы жить эфемерною жизнью минуты, чтобы дѣти смѣялись надъ тѣмъ, изъ за чего страдали и боролись ихъ отцы, чтобы потомки забыли даже смыслъ словъ, когда-то имѣвшихъ историческое значеніе. Всякое содержаніе теоретическое и практическое есть прахъ земли, навѣянный сегодняшнимъ вѣтромъ въ громадную гору и завтра разсѣянный другимъ вѣтромъ безъ слѣда. Поэтому ни одно ученіе, ни одно практическое стремленіе не имѣетъ будущаго. Все это, по самой сущности — преходящее, мимолетно, ничтожно. Будущее принадлежитъ тому, что безсмертно, а безсмертна лишь неумирающая прекрасная форма. Пройдутъ вѣка. Улягутся страсти. Вымрутъ послѣдова-

тели всѣхъ вашихъ ученій, борцы всѣхъ вашихъ партій. Зѣвая, будетъ перелистывать читатель будущаго поколѣнія уставѣлую проповѣдь Инквизитора, выдохшуюся рѣчь Бабэфа на рабочемъ митингѣ; зѣвая, вспомнитъ законы, открытые Профессоромъ и давно поглощенные другими, болѣе общими законами, или политическія комбинаціи Барона, финансовыя хитросплетенія Картежника, такъ какъ все это будетъ дѣтскою забавою для людей будущихъ поколѣній. Холодно посмотрятъ эти потомки и на содержаніе моихъ картинъ, гдѣ я иллюстрировалъ идеи моихъ друзей, идеи, каждая изъ которыхъ на минуту вдохновляла и меня, вашего современника, получавшаго впечатлѣнія отъ борьбы вашихъ мнѣній. Но въ моихъ картинахъ останется и для потомства нѣчто, чего нѣтъ ни въ одномъ изъ вашихъ твореній, изъ вашихъ дѣйствій. Это — неумирающая, прекрасная форма. Оттого выше всѣхъ этихъ картинъ, которыми восхищались и которыя ругали, изъ за которыхъ писали томы полемическихъ изслѣдованій, я ставлю небольшую картинку, которую я никому не продалъ, которая виситъ въ моей спальнѣ надъ кроватью, и смотря на которую я умру. Съ нея я не снималъ и не давалъ снимать копій, потому что это считаю профанаціей; она мнѣ могла удасться разъ и не болѣе, и никому въ мірѣ не удастся. Я ее не показывалъ ни одному изъ васъ, не показывалъ и публикѣ, а только тѣмъ художникамъ, которыхъ ставлю всего выше, и тѣ, которые ее видѣли, должны были сознаться, что это — верхъ художественнаго совершенства. Что же въ этой картинкѣ? Да ничего. Этюдъ спящей женщины, гдѣ, изъ подъ шелковаго одѣяла, видна часть спины, закинутая за шею рука, да бѣлокурый локонъ... И только. Но что за формы! Что за отдѣлка! Здѣсь безсмертіе. Это совершенство формы я уловилъ однажды, и только однажды. Пройдутъ вѣка, пройдутъ сотни поколѣній, но этимъ будетъ такъ же восхищаться художественно-развитый человѣкъ, какъ восхищается теперь, какъ восхищался я, когда положивъ кисть, въ первую минуту посмотрѣлъ на свое

произведеніе. Да, это — вѣчно, вѣчно.

„Форма, форма! Повѣрьте, друзья, бросьте всѣ ваши столкновенія, споры, борьбы; ищите одного прекрасной формы въ словѣ, въ выраженіи, въ жизни. Она все преображаетъ, все примиряетъ, царствуетъ надъ всѣмъ. Все пройдетъ, но она одна не пройдетъ, и потому ей, только ей, изящной, вѣчной, принадлежитъ будущее. Будущее не можетъ принадлежать ничему, что не завоевало себѣ вѣчной жизни. Будущее принадлежитъ безсмертнымъ созданіямъ искусства, и имъ однимъ....“

Со сдержаннымъ нетерпѣніемъ слушали присутствующіе письмо покойника. Профессоръ сложилъ его и продолжалъ:

„Представитель искусства первый оставилъ нашъ кругъ, кругъ силъ, борящихся въ современной исторіи за побѣду, за господство, за будущность. Это символически вѣрно. Искусство давно перестало быть самостоятельною силою; оно не имѣетъ и не можетъ имѣть самостоятельной исторической будущности. Со смертью нашего товарища наши собранія станутъ затруднительнѣе, потому что вражда между нами растетъ, и онъ одинъ вносилъ въ наши совѣщанія элементъ безусловно примирительный. Онъ одинъ могъ сочувствовать каждому изъ насъ, увлекаться самыми противуположными взглядами и при этомъ оставаться послѣдовательнымъ, оставаться вѣрнымъ своему служенію. Но это примирительное начало было иллюзіею, которая намъ не нужна, едва ли не вредна. Будущее не нуждается въ иллюзіяхъ, и потому именно, можетъ быть, теряетъ всякое историческое значеніе та область, которой служилъ нашъ умершій товарищъ. Чтобы не говорить отъ своего имени, такъ какъ я не считаю себя безпристастнымъ въ этомъ отношеніи, я предпочитаю привести вамъ отрывокъ одной критической статьи, писанной знатокомъ искусства по поводу смерти нашего товарища.

„Искусство умираетъ; — пишетъ авторъ — оно должно умереть. Наука и ремесло тѣснятъ его съ обѣихъ сторонъ. Люди болѣе и болѣе убждаются, что главная,

45/1606.

если не единственная, ихъ цѣль должа быть **польза**. Точно также, какъ оставлены народныя пляски, такъ оставятъ современное чистое искусство въ живописи и скульптурѣ, въ музыкѣ и поэзіи. Единственное его проявленіе будетъ украшеніе жизненныхъ и научныхъ потребностей. Живопись и скульптура ограничатся красивою отдѣлкою зданій и предметовъ ежедневнаго употребленія. Поэзія безъ стиховъ (они будутъ отброшены, какъ дѣтская забава), поэзія проявится лишь изящными описаніями природы въ географическихъ сочиненіяхъ и стройнымъ воспроизведеніемъ личностей въ исторіи. Музыка, вѣроятно, ограничится колыбельною пѣснью. Словомъ, искусство потеряетъ всякое самостоятельное право на жизнь. И этого не долго ждать. Смотрите, какъ блѣдны произведенія современныхъ художниковъ и поэтовъ, какъ на нихъ тяготѣетъ сознаніе, что они — послѣдніе представители отживающей дѣятельности, что они совсѣмъ уже не нужны. Въ лучшихъ произведеніяхъ искусства нашего времени всюду существуетъ сознаніе отживанія; поэты и художники захватываютъ, что можно, изъ науки и жизни, чтобы казаться нужными людьми; но они готовы уже теперь сдѣлаться лишь **декораторами** реальныхъ областей бытія, тѣмъ самымъ признавая нереальность своей области, области чистаго искуства, области, которая оказывается совсѣмъ ненужною въ дальнѣйшемъ развитіи человѣчества....“

И я — продолжалъ профессоръ — ститаю вовсе не нужнымъ долѣе останавливаться на этомъ предметѣ. Голосъ послѣдовательнаго представителя искусства замолкъ навсегда въ нашемъ кругу.

„Другой нашъ товарищъ, Баронъ, представляетъ намъ длинное сообщеніе изъ своихъ работъ, изъ своей практической дѣятельности, изъ своихъ видовъ на будущее. Такъ какъ уже на послѣднихъ нашихъ собраніяхъ найдено невозможнымъ выслушивать и прочитывать его сообщенія цѣликомъ, то я и теперь ограничусь из-

влеченіемъ изъ тетради, имъ присланной, для чего я и сдѣлалъ отмѣтки при бѣгломъ просмотрѣ.

„Баронъ, какъ и можно было ожидать, остался фанатикомъ государственной идеи. Въ длинномъ вступленіи онъ повторяетъ знакомый намъ уже тезисъ, что стройность административнаго механизма есть высшій идеалъ человѣчества. Никакая общественная потребность не имѣетъ, въ его глазахъ, права отстаивать себя, если она хотя сколько-нибудь противорѣчитъ задачѣ порядка въ государственныхъ отправленіяхъ.. Личности должны считать за счастіе, если онѣ живутъ и гибнутъ для государства. Наука, искусство, религія настолько священны, насколько служатъ государственнымъ цѣлямъ; становятся безполезны, какъ только ихъ содѣйствіе этимъ цѣлямъ перестало быть очевиднымъ; заслуживаютъ преслѣдованіе, какъ только выставляютъ свои особенныя, самостоятельныя цѣли, которыя могутъ въ какомъ-либо случаѣ противорѣчить цѣлямъ государства. Баронъ сообщаетъ намъ еще разъ, что онъ обрабатываетъ уже двадцать лѣтъ обширный и подробный проэктъ систематическаго законодательства для всѣхъ отраслей соціальной жизни, причемъ играетъ видную роль регулированіе браковъ и примѣненіе искусственнаго подбора къ производству личностей, наиболѣе годныхъ для данныхъ государственныхъ функцій. Въ этомъ проэктѣ находится, между прочимъ, весьма выработанная программа научныхъ работъ и системы школъ, цѣлаго ряда законовъ по всѣмъ отраслямъ искусства, и видоизмѣненій въ формѣ культа; все это направлено къ одной и той же цѣли, къ подчиненію развитія во всѣхъ отрасляхъ жизни государственнымъ цѣлямъ. Баронъ обращаетъ особенное наше вниманіе на устройство полицейскаго надзора всѣхъ отраслей общественной жизни, устройство, выработанное имъ въ этомъ проэктѣ, и которое онъ считаетъ однимъ изъ наиболѣе глубокихъ приложеній науки и техники къ государственнымъ цѣлямъ. Поэтому онъ входитъ здѣсь въ большія подробности, которыя я считаю не лишнимъ вамъ сообщить.

„Дѣло въ томъ, что подданные, по этому проэкту, имѣютъ право собираться на совѣщанія или выслушивать рѣчи и лекціи лишь въ опредѣленныхъ залахъ, устроенныхъ правительствомъ сообразно цѣли во всѣхъ городахъ государства, причемъ всякій, говорящій рѣчь или даже дѣлающій замѣчаніе, долженъ становиться на опредѣленное для оратора мѣсто. Даже для общественныхъ обѣдовъ съ рѣчами есть залы и особенное кресло для произносящаг оспичъ — кресло, занимаемое каждымъ говорящимъ поочередно. Значительная пеня наказываетъ нарушеніе этого постановленія. Всякая рѣчь и всякое замѣчаніе, по обычаю и по закону, должно начинаться словами, въ которыхъ говорящій называетъ себя и свое общественное положеніе. Огь мѣстъ, съ которыхъ говорятъ рѣчи, проведена весьма остроумная система акустическихъ пріемниковъ и электрическихъ нитей, передающихъ каждое слово говорящаго сокращенными микроскопическими знаками на одну изъ множества движущихся полосъ особенной бумаги въ первое ораторское отдѣленіе контрольнаго кабинета министерства полиціи. - Въ другомъ отдѣленіи того же кабинета, которое называется почтовымъ, устройство также замѣчательно. Для удобства подданныхъ правительство доставляетъ даромъ бумагу, перья и чернила, причемъ всякая продажа этихъ принадлежностей запрещена закономъ. Всякій можетъ прійти въ почтовое отдѣленіе города и писать тамъ что угодно на одномъ изъ многочисленныхъ столовъ, тамъ находящихся: перья привязаны къ столу на длинномъ шнуркѣ, сквозь шнурокъ проходитъ электрическій приводъ, такъ что каждое написанное слово въ то же время пишется микроскопическими и сокращенными знаками въ почтовомъ отдѣленіи министерства полиціи. Болѣе простое устройство представляетъ третье, библіотечное отдѣленіе того же министерства, находящееся въ электрическомъ сообщеніи со всѣми типографіями государства и заключающее микроскопическую библіотеку всего печатаемаго, которая образуется по мѣрѣ процесса печатанія.

Остроумная система немедленной автоматической классификаціи всего хранимаго въ кабинетѣ министерства, краткость употребляемыхъ знаковъ и ихъ микроскопичность позволяютъ хранить весь собираемый матеріалъ съ большимъ удобствомъ, чѣмъ можно бы думать, судя по громадности матеріала, но все таки кабинетъ министра полиціи долженъ представлять огромнѣйшее зданіе міра весьма оригинальной конструкціи. Къ описаннымъ отдѣленіямъ, по плану составителя, должно присоединиться еще одно, и на опыты для его устройства Баронъ употребилъ значительную часть своего состоянія, но результатовъ удовлетворительныхъ еще не получилъ, хотя не отчаивается побѣдить болѣе значительныя трудности этого вопроса, какъ побѣдилъ меньшія трудности предыдущихъ задачъ. Дѣло идетъ о контролированіи всѣхъ частныхъ разговоровъ въ этомъ идеальномъ государствѣ, при пособіи особенныхъ чувствительныхъ плитъ, которыя должны служить для мощенія всѣхъ улицъ и половъ, находясь, въ свою очередь, въ сообщеніи съ кабинетомъ министерства полиціи. Многіе думаютъ, прибавляетъ Баронъ, что это едва ли исполнимо, но, при настоящихъ успѣхахъ въ техникѣ, отчаиваться и здѣсь не слѣдуетъ.

„Лишь обладая этими средствами — пишетъ Баронъ, кончая очеркъ этого проэкта — государство сдѣлается тѣмъ, чѣмъ оно должно быть въ одной изъ своихъ отраслей, до сихъ поръ совершенно отсталой. Оно должно быть не только силою, подавляющею всякое сопротивленіе въ личности или частной группѣ, не только стройнымъ механизмомъ, быстро и точно передающимъ рѣшенія изъ центра по всѣмъ направленіямъ, но еще знаніемъ всего, что дѣлается на его территоріи. До сихъ поръ всѣ орудія знанія, сосредоточенныя въ полиціи, были слишкомъ элементарны, потому что государство не достаточно пользовалось средствами науки и технологіи. Явная полиція была лишь дѣтскимъ орудіемъ, которую могъ обойти или обмануть всякій врагъ общественнаго порядка. Нѣсколько совершеннѣе орга-

низація тайной полиціи или общественнаго шпіонства, но и здѣсь слишкомъ много предоставлено личной инициативѣ, частной ловкости и догадливости шпіона. Главный же недостатокъ явной и тайной полиціи тотъ, что сыщики и агенты — люди со своими личными цѣлями, аффектами, увлеченіями, что они могутъ чувствовать жалость и боязнь, ихъ вниманіе можетъ ослабѣть, они иногда могутъ ощутить нѣкоторое отвращеніе къ своему ремеслу и всякія другія человѣческія слабости. Инструмента же, провѣряющаго годность сыщика и шпіона, въ данную минуту до сихъ поръ не придумано. Лишь имѣя шпіонствующіе и доносящіе автоматическіе приборы, государство будетъ обладать вполнѣ надежною полиціею и станетъ государствомъ знающимъ, что въ немъ совершается. Именно къ доставленію государству этого могучаго знанія направлена вся моя дѣятельность, и, овладѣвъ этимъ знаніемъ, оно станетъ всесильно. Для меня совершенно ясно, что это — цѣль достижимая, а потому, государству, какъ всемогущей силѣ, государству, наконецъ, какъ всепроницающему знанію, принадлежитъ будущее“.

„Такъ какъ я вамъ сказалъ, — продолжалъ профессоръ — что, по частнымъ свѣденіямъ, мною полученнымъ, Баронъ страдаетъ неизлѣчимою болѣзнью, то, конечно, онъ не кончитъ своего проэкта, не достигнетъ цѣли осуществленія всезнающей полиціи, опирающейся на науку и технологію, не дастъ государству знанія, а слѣдовательно и его принципъ, повидимому, принадлежитъ къ принципамъ неизлѣчимо-больнымъ, и его принципъ, какъ надо думать, не встрѣтитъ уже для себя защитника и представителя въ нашихъ будущихъ собраніяхъ. Это — сила умирающая.

„Мой докладъ конченъ, и мы можемъ приступить къ дѣлу. По жребію, вынутому на прошломъ засѣданіи, за пропускомъ голосовъ Барона и Джуліо, порядокъ слова слѣдующій: Картежникъ, Инквизиторъ, Бабэфъ и я. Слово принадлежитъ Картежнику.“

Картежникъ началъ:

„Вы отлично знаете, что я считаю вашихъ единомышленниковъ, Бабэфъ и Инквизиторъ, своими врагами, что употребляю и буду употреблять всѣ усилія, чтобы скорѣе обезсилить и раздавить ихъ, не щадя при этомъ никого и ничего. Вашихъ же мыслителей и изслѣдователей, многоученый Профессоръ — замѣтилъ онъ иронически — я не трогаю, потому что вижу въ нихъ частью безвредныхъ тружениковъ, частью нашихъ безсознательныхъ союзниковъ. Для васъ наука — все, для меня это — орудіе, какъ и для Бабэфа, но я весьма далекъ отъ того, чтобы относиться къ ней съ безсмысленной враждою Инквизитора. Она — орудіе, но орудіе сильное и единственно-цѣлесообразное. Она позволяетъ предвидѣть вѣроятное будущее, и потому именно я считаю несомнѣннымъ, что побѣда будетъ принадлежать н а м ъ, тому дѣловому и разсчетливому классу общества, который въ рѣчахъ Бабэфа такъ часто является подъ именемъ ожирѣвшей буржуазіи, эксплуататоровъ труда и т. д. и т. д.; тѣмъ отрицателямъ всякаго религіознаго авторитета, которыхъ нашъ Инквизиторъ громитъ въ своихъ проповѣдяхъ, какъ исчадіе ада, развращенныхъ безбожниковъ; тѣмъ практическимъ людямъ, на которыхъ такъ презрительно смотрятъ профессора, въ родѣ нашего Профессора, и которые позволяютъ себѣ смотрѣть еще болѣе презрительно на слѣпыхъ ученыхъ, не замѣчающихъ, что именно ихъ доводы говорятъ въ нашу пользу.

„Точно ли мы исчадіе ада, я разбирать не стану, потому что считаю безполезнымъ восходить къ столь метафизическимъ соображеніямъ (изъ улыбки многоученаго Профессора вижу, что, вѣроятно, не точно употребилъ слово м е т а ф и з и ч е с к і й, но это, по правдѣ сказать, мнѣ все равно). Что мы — безбожники, это нѣсколько вѣрно, но для насъ существуетъ лишь то, что можно котировать на биржѣ, и мы въ этомъ не виноваты. Мы не ожирѣли, какъ надѣется или мечтаетъ Бабэфъ, хотя въ нашихъ рядахъ много ожирѣлыхъ и отупѣлыхъ; но ошибка Бабэфа именно въ томъ и состоитъ,

что онъ смѣшиваетъ эту базсмысленную массу съ нами, живыми дѣятелями; подобное смѣшеніе такъ же разумно, какъ для анатома смѣшивать клѣточную ткань съ мускулами. То и другое — тѣло, но для движенія организма, это не одно и то же. Мы — мускулы человѣчества; нами оно движется и только нами. Намъ и принадлежитъ будущее. Наши ожирѣвшіе и отупѣвшіе товарищи составляютъ удобное средство храненія питательнаго матеріала, который въ надлежащее время переходитъ въ кровь и въ нашу ткань. Между нами идетъ постоянная борьба, какъ во всемъ мірѣ, и всякій, кто отупѣлъ, ожирѣлъ, усталъ, немедленно падаетъ жертвою борьбы, раззоряется, исчезаетъ изъ нашихъ рядовъ, переходя въ ту массу мелкой, ничтожной буржуазіи, которая ничего не знаетъ, ничего не видитъ; служитъ и государственнымъ людямъ, ее раззоряющимъ, и духовенству, отнимающему у нея послѣднее соображеніе; ненавидитъ насъ, биржевыхъ и промышленныхъ царей, но служитъ намъ и унижается передъ нами, потому что мы — ея природные предводители: ненавидитъ пролетаріатъ, какъ кровнаго врага, но безсознательно помогаетъ ему своимъ нелѣпымъ либерализмомъ и своею безтолковостью. Побѣда этой буржуазіи невозможна и была бы вредна для насъ; но будь эта побѣда возможна, она привела бы къ тому лишь, что этотъ классъ буржуазіи исчезъ бы, перейдя частью въ наши ряды, частью въ ряды нашихъ жирныхъ и глупыхъ товарищей. Мелкая буржуазія должна раззориться, и ея капиталы должны перейти въ руки крупной, а личности, ее составляющія, должны перейти въ ряды пролетаріата. Въ крупной буржуазіи должно произойти все болѣе систематическое раздѣленіе мыслящей и дѣятельной части, отъ части, воображающей, что старые элементарные пріемы накопленія богатствъ достаточны, что можно составить себѣ кругленькую ренту и успокоиться на лаврахъ. Нѣтъ, это не такъ; мы окружены врагами и лишь упорною дѣятельностью, неустанною борьбою съ врагомъ можемъ отстоять себя. Мы должны побѣдить и раздавить все

окружающее насъ или погибнуть сами. У насъ нѣтъ настоящихъ союзниковъ, и слѣпые болтуны, которые воображаютъ, что нынѣшнія правительства, нынѣшній государственный порядокъ вещей поддерживаетъ насъ, и долженъ быть поддержанъ нами, тѣмъ самымъ доказываютъ свое полное непониманіе. Нынѣшнія государства поддерживать насъ не могутъ, если бы и хотѣли. Ихъ борьба принимаетъ все болѣе громадные размѣры, требуетъ все болѣе громадныхъ средствъ, и потому они неизбѣжно будутъ высасывать изъ насъ все, что могутъ. Они теперь еще живутъ на счетъ бѣдныхъ людей, потому что тѣ могутъ еще платить. Но бѣдные будутъ становиться все бѣднѣе, и скоро бюджетъ ляжетъ всею тяжестью на мелкую буржуазію. Если мы будемъ продолжать поддерживать существующій порядокъ, то и она раззорится окончательно, и останемся плательщиками лишь мы. Если мы допустимъ до этого, то государства насъ раздавятъ и сами сдѣлаются добычею пролетаріата, который одинъ будетъ лицомъ къ лицу съ чиновничествомъ. Но мы не должны позволить этого и не позволимъ. Прежде чѣмъ государства будутъ поставлены въ необходимость перенести подати съ низшаго класса на буржуазію, мы ихъ разрушимъ, перестроимъ, и эта, безполезная намъ, административная организація должна рухнуть предъ нашими усиліями.

„И здѣсь мы имѣемъ за себя науку. Она доказала, что политическіе вопросы исчезаютъ передъ экономическими, что биржи управляютъ государствами, и что лишь тогда политика здорова, когда она соотвѣтствуетъ развитію и преуспѣянію оборотовъ денежнаго рынка. Если это такъ, то надо быть послѣдовательнымъ: къ чему фиктивная и дорого стоющая государственная организація, когда уже открытъ истинный источникъ власти и политическаго вліянія? Къ чему короли и императоры съ ихъ любовницами и придворными, когда мы, капиталисты, — настоящіе цари міра? Къ чему надутые и безтолковые министры и посланники, воображающіе, что они руководятъ народы, устраиваютъ войну и миръ,

когда благоденствіе и раззореніе народовъ въ нашемъ карманѣ, войны ведутся для нашихъ цѣлей, мирные договоры заключаются потому, что мы этого хотимъ. Пора намъ быть явно господами того, что въ дѣйствительности давно уже наше. Биржи — вотъ наши дворцы и парламенты; маклеры и торговые агенты — вотъ наша администрація; торговыя сдѣлки — вотъ наша дипломатія, наши трактаты: раззореніе одного и обогащеніе другого въ столкновеніи комерческихъ интересовъ — вотъ наши битвы. Монархіи, республики, конституціи, законы, суды все это — старыя формы или пустыя слова, истинный смыслъ которыхъ одинъ: гдѣ находится капиталъ, тамъ находится власть; капиталъ подъ разными именами управлялъ и управляетъ міромъ; лишь тѣ законы разумны и существенны, которые содѣйствуютъ естественному стремленію капитала расти, концентрироваться и давить все, что ему мѣшаетъ; лишь тѣ суды имѣютъ смыслъ, которые произносятъ приговоры въ пользу усиленія капитала. Все остальное — болтовня или безсмысленная, непослѣдовательная дѣятельность.

„Но для того, чтобы дѣятельность капиталистовъ была осмыслена, чтобы капиталъ сталъ дѣйствительно тѣмъ всепоглащающимъ дѣятелемъ, которымъ онъ долженъ быть по своей сущности, необходимо, чтобы онъ концентрировался не случайно, дѣйствовалъ не рутинно, но пользовался бы всѣми средствами науки, не былъ стѣсненъ никакими предразсудками; словомъ, — имѣлъ за собою самый развитый умъ, опирающійся на самое обширное знаніе и самую энергическую волю для поддержанія безустанной дѣятельности. Именно потому намъ нужна наука, какъ орудіе, и мы должны объявить рѣшительную войну притязаніямъ духовенства, которое хочетъ ограничить научное изслѣдованіе, остановить критику мысли, поставить намъ цѣлью достиженіе какого-то фантастическаго царства божія и хочетъ отвлечь часть нашей дѣятельности для этой нелѣпой цѣли. Въ сущности намъ совершенно неинтересна борьба этихъ господъ съ матеріалистами, раціоналистами, позитивистами,

нигилистами, вольтеріанцами, скептиками, и какъ тамъ ихъ зовутъ. Еще ни одна акція не вздорожала, и ни одинъ торговый оборотъ не потерпѣлъ отъ того, что признали вздоромъ мнѣніе автора книги Бытія, который думалъ, что небо состоитъ изъ хрустальнаго свода, изъ-за котораго выливались во время ноева потопа потоки на плоскую землю, или отъ того, что признали землю атомомъ, вращающимся около другого атома, нѣсколько большаго, въ неизмѣримомъ пустомъ пространствѣ, гдѣ, кромѣ вещества, нѣтъ ничего; дѣловому человѣку некогда обдумывать, есть-ли у него особая душа или нѣтъ; для нашей индустріи безразлично, можемъ ли мы ѣсть мясо бога подъ формой тѣста или нѣтъ; наконецъ, мы никогда не станемъ безпокоиться о томъ, былъ ли нашъ предокъ когда-либо похожъ на обезьяну или на Адама Микель Анджело.

„Все это для насъ могло-бы имѣть лишь интересъ забавнаго представленія, въ родѣ „Прекрасной Елены“, если бы за этими пустяками не скрывался вопросъ для насъ несравненно серьезнѣйшій и весьма практическій. Время рутиннаго обогащенія торговлею или биржевыми оборотами для насъ прошло, какъ я уже сказалъ. Государство намъ грозитъ гибелью; рабочіе намъ объявили непримиримую войну; мы сами обречены положеніемъ дѣлъ бороться между собою, губить другъ друга въ неумолимомъ соперничествѣ, истреблять мелкую буржуазію отнимать другъ у друга капиталы, и не можемъ отстоять себя, слѣдовательно — и побѣдить, безъ самыхъ напряженныхъ усилій. Потому умъ и знаніе намъ необходимы; мы не можемъ пренебрегать никакими умственными средствами; все, что мѣшаетъ уму, что сдерживаетъ его — намъ гибельно. Слѣдовательно, прежде всего, мы не должны допустить господства или даже вліянія религіи. Намъ достаточно реальныхъ заботъ, реальныхъ вопросовъ, чтобы мы позволили отвлекать наши силы на какія либо фантастическія религіозныя цѣли. Всѣ догматы принадлежатъ прошлому; всѣ капиталы, безполезно скопленные въ рукахъ духовенства, должны

усилить нашу партію, концентрироваться въ нашихъ рукахъ. Мы не матеріалисты, не позитивисты, и вообще не какіе-нибудь — исты, потому, что намъ некогда рѣшать всѣ эти пустые вопросы; но мы говоримъ духовенству: вы намъ вредны, потому что не можете не тратить части нашихъ силъ на предметы, для насъ не нужные. Намъ нужно только реальное знаніе законовъ, приложимыхъ прямо къ практикѣ. Вы не даете ихъ намъ, но отвлекаете насъ отъ нихъ, враждуете противъ тѣхъ, которые употребляютъ исключительно научные пріемы мысли, пренебрегая вашими мечтаніями. При этомъ вы представляете еще довольно сильную, обширную и вліятельную организацію. Поэтому мы вамъ враги, враги на смерть, какъ мы враги всему, что намъ мѣшаетъ. Намъ нуженъ умъ: вы стремитесь сдѣлать насъ глупыми. Намъ нужна власть надъ міромъ: вы толкуете о царствѣ божіемъ. Тѣ изъ насъ, которые воображаютъ, что въ ихъ интересахъ васъ поддерживать, не понимаютъ всей опасности настоящаго положенія. Между борящимися силами въ настоящую минуту союза уже быть не можетъ. Государство или подчинитъ васъ себѣ и уничтожитъ васъ нравственно, или само подчинится вамъ и потеряетъ свое политическое значеніе. Капиталъ или сдѣлается орудіемъ и жертвою государства и духовенства, или раздавитъ ихъ, какъ самостоятельныя силы, замѣнивъ политическіе и богословскіе вопросы экономическими. Послѣднее должно случиться, и мы употребимъ всѣ силы для этого.

„Именно той долѣ буржуазіи, которая соединитъ въ своемъ мозгу силу ума и знанія, въ своемъ характерѣ силу воли, въ своей организаціи силу капитала, принадлежитъ будущее, ее едва-ли справедливо называть ожирѣвшею. Предъ нею падутъ всѣ посторонніе силы, о которыхъ я уже говорилъ: она концентрируетъ въ своихъ рукахъ весь капиталъ мелкой буржуазіи, обративъ ее въ пролетаріатъ; она раззоритъ своихъ ожирѣвшихъ товарищей крупной буржуазіи, оставляя въ своей средѣ лишь умнѣйшихъ, наиболѣе знающихъ, наиболѣе энергическихъ,

наиболѣе сильныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Эта естественная и законная аристократія должна захватить всю государственную силу, все духовное господство, всѣ экономическія средства, всю монополію знанія и, на основаніи строгихъ научныхъ данныхъ, выработать соціальное устройство, которое закрѣпило бы навсегда ея господство и вѣчную подчиненность всего остальнаго человѣчества.

„Господа соціалисты зовутъ насъ эксплуататорами труда, врагами прогресса: первое — глупо, второе — нелѣпо. И здѣсь опять наука составляетъ нашу самую лучшую опору. Борьба за существованіе есть общій законъ природы, мы въ этомъ не виноваты; всегда и вездѣ одни существа эксплуатируютъ другихъ: овца эксплуатируетъ траву; волкъ эксплуатируетъ овцу; мѣховщикъ эксплуатируетъ волка; заимодавецъ эксплуатируетъ мѣховщика; государство эксплуатируетъ барыши заимодавца; биржевой операторъ эксплуатируетъ потребности государства; умнѣйшій биржевой игрокъ эксплуатируетъ болѣе глупаго. Человѣку остается признать необходимое и построить систему общества на этомъ необходимомъ. Эксплуатація или соціальная борьба за существованіе должна быть не случайна и безсознательна, но разумна и целесообразна. Капиталъ есть представитель, орудіе и результатъ этой борьбы въ ея самомъ чистомъ видѣ. Онъ и долженъ организовать ее въ свою пользу. Я уже говорилъ, что всѣ нынѣшніе преобладающіе общественные элементы должны исчезнуть передъ капиталомъ или должны быть обращены въ его орудія. Онъ долженъ выработать аристократію, которая монополизируетъ всѣ силы, и все, внѣ себя, долженъ обратить въ безсильное и совершенно ничтожное орудіе своей дѣятельности. Это — законъ природы, противъ котораго бороться глупо, а споспѣшествовать которому и разумно, и нравственно — если послѣднее слово имѣетъ смыслъ.

„Я сказалъ еще, что объявлять насъ противниками прогресса нелѣпо. Дѣйствительно, не совершенно-ли

ясно доказываетъ исторія, что лишь тамъ былъ прогрессъ, гдѣ происходило скопленіе богатствъ въ рукахъ немногихъ и эксплуатація большинства меньшинствомъ. Кто воздвигъ дворцы и храмы Египта, которымъ удивляется современность? Самые неумолимые эксплуататоры, не жалѣвшіе милліоновъ жизней и неисчислимаго количества труда для полученія блестящихъ продуктовъ цивилизаціи. Что такое было это античное общество, которое прославляютъ за его литературу, искусство, философію? Небольшое меньшинство, эксплуатировавшее огромную массу рабовъ. Фантазеры нравственности говорятъ о рыцарскомъ благородствѣ, о рыцарскихъ добродѣтеляхъ? Но рыцари были цвѣтомъ феодализма, давившимъ на все остальное населеніе. Ни одно замѣчательное произведеніе искусства, ни одна оригинальная и нѣсколько сложная работа въ наукѣ не могла быть совершена, если бы не было капитала, который могъ-бы быть затраченъ не на удовлетвореніе первыхъ потребностей, а на роскошь мысли. И этотъ капиталъ безъ котораго невозможны были бы ни искусство, ни наука, былъ необходимо результатомъ труда людей, никогда не воспользовавшихся плодами этого труда, эксплуатируемыхъ въ пользу того меньшинства, которое выработало цивилизацію. Впрочемъ, я говорю азбучныя истины, на которыхъ едва-ли не смѣшно останавливаться. Прогрессъ возможенъ только при существованіи капитала, и самый значительный прогрессъ произойдетъ тамъ, гдѣ наибольшій капиталъ будетъ концентрированъ въ рукахъ меньшаго числа наиболѣе умныхъ людей. Прогрессъ есть ничто иное, какъ естественный и искуственный подборъ соціально-сильнѣйшихъ личностей при гибели остальныхъ. Но мы именно и стремимся организовать этотъ подборъ самымъ рэціональнымъ образомъ, не стѣсняясь никакими посторонними соображеніями.

„Эта будущая аристократія капитала, пріобрѣтя безусловное господство, монополизировавъ экономическія силы, должна выработаться въ особенную избранную расу, которая имѣла бы всѣ превосходства надъ осталь-

нымъ человѣчествомъ. Послѣднее надо поставить систематическимъ воспитаніемъ на степень полезнаго орудія и только орудія, чисто экономически оцѣнивая расходы на его содержаніе, выгоду, имъ приносимую, и періодъ времени, въ который его особи истрачиваютъ свою годность. Развитіе меньшинства и его обезпеченное положеніе можетъ быть куплено только цѣною полнаго и совершеннаго подчиненія большинства, такъ чтобы оно не имѣло ни возможности, ни даже мысли улучшить свое положеніе; чтобы всякая случайная попытка единицы возмутиться противъ подобнаго положенія влекла за собою, какъ неизбѣжное слѣдствіе, сокращеіе вредной личности. Но я ошибаюсь; эти существа должны быть не личностями, а особями рабочей расы человѣческаго рода, неимѣющими въ глазахъ разсуждающаго человѣка ни малѣйшаго достоинства или значенія внѣ ихъ экономической пользы. Нѣтъ сомнѣнія, что употребляя систематически надлежащіе пріемы, при пособіи точной науки, можно дойти до образованія въ человѣчествѣ той же разницы въ формахъ тѣла и въ наклонностяхъ, которую мы замѣчаемъ въ муравьяхъ одной и той-же общины, и до приданія общественному строю подобной же устойчивости, какъ муравейнику.

„До сихъ поръ тому мѣшали неосуществимые идеалы, которые влекли людей къ безсмысленнымъ дѣйствіямъ; невозможныя требованія благодѣтельствія, справедливости, знанія для всѣхъ, столько же, какъ государственныя формы и догматическія мечтанія, которыя, тяготѣя надъ личностью, не были однако-же достаточно цѣлесообразны, чтобы подавить всякую попытку къ сопротивленію и централизировать всю силу тамъ, гдѣ хотѣли создать центръ силы. Государство допускало въ своей средѣ независимую силу догмата, не могло не дать развиться, рядомъ со своимъ политически-административнымъ центромъ, независимой экономической силѣ капитала и, для мгновенныхъ цѣлей, опиралось то на догматъ, то на капиталъ, то на попытки бѣдныхъ классовъ улучшить свое положеніе. Догматы религіи охраняли и су

ществующую власть, и льстили воображенію пролетарія, и организовали особую форму капитала въ ряду другихъ капиталовъ. Безтолковая буржуазія не понимала, гдѣ ея враги, какія ея настоящія цѣли; либеральничала и заискивала въ духовенствѣ; употребляла полумѣры съ пролетаріатомъ; съ непонятной глупостью писала на своемъ знамени: свобода, равенство, братство! Для всѣхъ этихъ вздоровъ время минуло. Война между капиталомъ и пролетаріатомъ объявлена, и одинъ изъ нихъ долженъ пасть въ борьбѣ. Смѣшно было бы капиталу убить самого себя; онъ долженъ убить пролетаріатъ, т. е. довести его до степени низшей, безсильной и безправной расы и остаться одинъ въ исторіи, избавившись отъ всѣхъ своихъ соперниковъ. Раздѣлять власть и значеніе уже нельзя. Въ исторіи нѣтъ уже мѣста двумъ или тремъ силамъ. Изъ всѣхъ существующихъ силъ, экономическая сила одна раціональна, она и должна раздавить всѣ прочія, захватить себѣ и только себѣ все, что осталось въ нихъ живаго, и пересоздать человѣчество при пособіи науки по своимъ требованіямъ. Ни религія, ни политика не съумѣли создать ничего прочнаго. Капиталъ съумѣетъ это сдѣлать, раздавивъ всякое препятствіе. Будущее принадлежитъ капиталу, усиленному умомъ и знаніемъ; оно принадлежитъ ему одному.“

Все рѣзче, все повелительнѣе становился голосъ Картежника къ концу его рѣчи. Онъ не смотрѣлъ ни на кого изъ присутствующихъ, но его хищные глаза перебѣгали искоса отъ одного пятна грязнаго стола таверны къ другому, его руки играли складнымъ ножемъ съ черенкомъ слоновой кости, то открывая его разнообразныя лезвія, то снова закрывая ихъ. Безстрастно и прямо смотрѣли на него сѣрые глаза Профессора сквозь золотые очки. Нахмурясь и изрѣдка вскидывая большими черными глалами на говорившаго, сидѣлъ Инквизиторъ. Одинъ Бабэфъ едва могъ удержаться на мѣстѣ. Онъ сидѣлъ какъ разъ противъ Картежника съ другой стороны стола. Его глаза горѣли. Его лицо дышало ненавистью къ врагу и на лбу надулись темныя

вены. Онъ то прихлебывалъ изъ кружки пива, то сжималъ на груди свои жилистыя руки, то закусывалъ всѣмъ верхнимъ рядомъ своихъ большихъ ровныхъ бѣлыхъ зубовъ нижнюю губу. Когда Картежникъ кончилъ, онъ вскочилъ и, опершись лѣвою рукою на столъ, на половину нагнувшись надъ нимъ, разомъ началъ.

„Нѣтъ! и тысячу разъ нѣтъ! Будущее не принадлежитъ вамъ, историческіе кровопійцы! Довольно вы властвовали, довольно вы питались потомъ и кровью, трудомъ и силами ослѣпленныхъ работниковъ. Вашъ часъ скоро пробьетъ. Не торжество предъ вами, а гибель, неизбѣжная кровавая гибель, страшная расплата за дѣла дѣдовъ и отцевъ, за ваши собственныя дѣла. Противъ васъ развитіе природы. Противъ васъ прогрессъ исторіи. Напрасно вы закрываете глаза предъ силою, которая растетъ подъ вами, около васъ, растетъ отъ каждаго вашего удара, растетъ при побѣдѣ, растетъ при пораженіи, и, наконецъ, задушитъ васъ.

„Вы возводите эксплуатацію въ систему. Вы гордитесь тѣмъ, что исполняете въ вашей дѣятельности вѣчный законъ природы — борьбу за существованіе. Да, вы, точно, представители этой доисторической борьбы, этого животнаго закона, который одинъ господствовалъ когда то; за тѣмъ, съ появленіемъ исторической мысли, историческаго развитія, сталъ понемногу терять почву подъ ногами, сталъ уступать мѣсто иной борьбѣ, инымъ столкновеніямъ, пока, наконецъ, наслѣдниками громадныхъ ящеровъ дочеловѣческихъ періодовъ, соперниками акулъ нынѣшнихъ морей, гіенъ и волковъ нынѣшнихъ лѣсовъ, остались въ человѣчествѣ лишь государственные и промышленные хищники.

„Да, шла борьба, неумолимая борьба за существованіе въ первобытномъ мірѣ животныхъ, когда ни волкъ, ни человѣкъ не зналъ, какъ обезпечить себѣ завтрашній день, когда случай доставлялъ кусокъ для утоленія голода, и когда за этотъ кусокъ необходимо было бороться подъ опасностью голодной смерти.

„Но этотъ періодъ смѣнился другимъ. Люди стали

бороться за увеличеніе наслажденія. Они стали бороться за развитіе, за воплощеніе въ жизнь правды. Рабъ жертвовалъ обезпеченнымъ кускомъ хлѣба для свободы. Вѣрующій жертвовалъ безопасностью жизни, самою жизнью для права исповѣдывать свое вѣрованіе, для права распространять его, осуществлять его въ жизни. Народы шли на кровавую борьбу, пренебрегая спокойствіемъ и благосостояніемъ для національной независимости. Партіи сталкивались въ междоусобныхъ войнахъ, губившихъ всѣ блага обыденной жизни, и боролись на смерть, чтобы завоевать своимъ политическимъ идеямъ мѣсто въ исторіи. Простонародье давало добродушно своимъ предводителямъ три мѣсяца своего времени, три мѣсяца нужды и голода, надѣясь на то, что они воплотятъ въ законъ обѣщанныя свободу, равенство и братство.

„Много жертвъ, жертвъ свободныхъ, добровольныхъ принесено личностями и группами личностей, народами и человѣчествомъ для осуществленія того, что личности, народы, человѣчество считали правдою. Предъ этой исторической борьбою за воплощеніе своихъ идеаловъ, предъ этимъ человѣческимъ стремленіемъ внести въ жизнь высшія человѣческія потребности давно отступила въ прошедшее старая борьба за существованіе, старая борьба человѣка-животнаго съ человѣкомъ животнымъ.

„Но эта борьа продолжалась во всѣ періоды эксплуататорами ближняго, эксплуататорами массъ, эксплуататорами народовъ. Хищные собственники, промышленники, торговцы, капиталисты продолжали въ человѣчествѣ традицію волковъ и гіенъ. Они грызли беззащитное стадо менѣе хищныхъ, слабыхъ массъ; питались ихъ тѣломъ, питались ихъ кровью. Они грызлись между собою за кусокъ кроваваго мяса, за похищенные продукты труда, за право порабощать и эксплуатировать массы. Другимъ представителемъ той-же традиціи было государство и его правители; власть въ разныхъ ея формахъ и администрація, ею поставленная для подчиненія народовъ. Вся политическая исторія есть ничто иное, какъ мартирологъ народовъ, по костямъ котораго власть вос-

ходила все выше и выше на ступени своего историческаго могущества. Монархи, аристократы, конституціоналисты, республиканцы, диктаторы, демагоги — это было все равно. Во всѣхъ формахъ власть была одна и та же: хищный звѣрь, поѣдающій народы, механизмъ для ихъ умственнаго отупленія, для ихъ экономическаго раззоренія. для эксплуатаціи милліоновъ въ пользу немногихъ. И точно такъ-же, какъ хищники экономическіе, политическіе хищники грызлись между собою за господство. Министры боролись за портфели; рабы и евнухи за вліяніе на цезарей; партіи честолюбцевъ за мѣсто у кормила правленія; государства за куски территорій, за преобладаніе на конгрессахъ. Народы, въ своемъ ослѣпленіи, думали, что ихъ страданія происходятъ отъ того или другого класса экономическихъ эксплуататоровъ, отъ той или другой формы правленія, отъ подчиненія тому или другому государству. Они становились союзниками однѣхъ политическихъ партій противъ другихъ, помогали одной группѣ хищниковъ смѣнить другихъ по историческому вліянію, шли подъ національныя знамена за то, чтобы быть подданными итальянскаго короля, а не австрійскаго императора, чтобы остаться бельгійцами, а не подчиняться голландскому королю. Но скоро, очень скоро наступало разочарованіе. Патриціи средневѣковыхъ городовъ и мастера цеховъ не менѣе истощали и унижали простолюдина-работника, какъ феодалы, отъ которыхъ отстояли ихъ работники на площадяхъ городовъ и на полѣ битвы. Парламентарныя конституціи были не менѣе разсчитаны на притѣсненіе массъ богатымъ меньшинствомъ, какъ и абсолютныя монархіи божьею милостью. Въ королѣ, въ аристократіи, въ парламентѣ своихъ соплеменниковъ массы встрѣчали такихъ же точно хищниковъ, какими были чужеземцы. Всюду въ экономическомъ развитіи цивилизацій, всюду въ смѣнѣ ихъ политическихъ формъ, народъ находилъ враговъ и только враговъ, страданье и только страданье. Хищники, продолжавшіе животную

борьбу за существованіе, могли только хищничать и терзать его.

„И вотъ теперь вы, капиталисты-биржевики, капиталисты-промышленники, прямо заявляете себя представителями старой животной традиціи, традиціи борьбы за существованіе, традиціи неумолимаго хищничества, жертвою котораго должны сдѣлаться и массы пролетаріевъ, и слабѣйшая часть вашихъ братьевъ-биржевиковъ и промышленниковъ, и государства со всѣми ихъ законами и конституціями. Вы говорите: мы — единственная естественная и экономическая сила; мы хотимъ все захватить, все поѣсть и намъ, во имя нашей силы, принадлежитъ все, и мы захватимъ и поѣдимъ все.

„Нѣтъ, говоримъ вамъ мы — работники, мы — народъ. Вы не захватите, не поѣдите всего, потому что вамъ, естественной, животной, хищнической силѣ, противустоимъ мы — сила историческая, человѣческая, сила правды. Представителямъ борьбы за существованіе противустоимъ мы — борцы за справедливость. И на сколько животный міръ былъ покоренъ человѣческою мыслью, на сколько борьба за существованіе уступила борьбѣ за развитіе, борьбѣ за воплощеніе правды, на сколько неразумная природа легла въ подножіе развитія разумной исторіи, на столько мы — работники, мы — народъ, мы представители человѣческаго идеала, мы — строители царства истины и справедливости, подчинимъ себѣ, подавимъ, уничтожимъ историческую роль капитала и эксплуатаціи. Вы должны подчиниться исторіи, которая ясно указала путь отъ мрака къ свѣту, отъ животной безсознательности къ человѣческому сознанію, отъ рабства къ свободѣ, отъ невѣжества къ знанію, отъ хищничества къ воплощенію правды; путь прогресса и человѣческаго развитія. Вы — помѣха на этомъ пути: вы и должны быть раздавлены. Мы созидатели того самаго будущаго общественнаго строя, на который указываютъ идеалы человѣческой мысли; и побѣда должна принадлежать намъ; царство истины и справедливости должно быть основано, и оно будетъ основано нами. На раз-

валинахъ всѣхъ современныхъ государствъ, на разрушеніи всѣхъ вашихъ капиталистическихъ и промышленныхъ централизацій, если понадобится — то на развалинахъ всей вашей эксплуататорской цивилизаціи, если нужно — то на костяхъ всѣхъ представителей стараго міра, мы воздвигнемъ это царство, царство труда и равенства, гдѣ не будетъ мѣста праздныхъ паразитамъ общества, гдѣ исчезнутъ эксплуататоры и монополисты.

Да, вглядитесь въ исторію и убѣдитесь, что она представляетъ все убывающій успѣхъ общественныхъ эксплуататоровъ въ подчиненіи себѣ массъ. Неполноправные граждане и рабы Греціи и Рима составляютъ уже соціальный прогрессъ сравнительно съ совершенно безправными населеніями Востока, страны кастъ и всеобщаго порабощенія, всеобщаго ничтожества народовъ передъ царями, шахами, визирями или далай ламами. Еще выше въ этомъ отношеніи стояли городскія населенія среднихъ вѣковъ, не смотря на давленіе феодаловъ. И теперь, когда современный пролетарій началъ борьбу противъ легальнаго государства, его давящаго, противъ централизованнаго капитала, его истощающаго и отупляющаго, онъ имѣетъ за себя ручательство исторіи, что онъ добудетъ себѣ упорною борьбою и разумною организаціею ту побѣду, которую въ свое время одержали его предки. Но они, въ своемъ ослѣпленіи, боролись и побѣждали для другихъ; онъ будетъ бороться за себя и побѣдитъ для себя.

„Впрочемъ — продолжалъ Бабэфъ спокойнѣе — я спорю далеко не противъ всего, что сказалъ представитель капитала. Съ многимъ я вполнѣ согласенъ, но то въ его рѣчи, съ чѣмъ я согласенъ, говоритъ въ мою пользу. Дѣйствительно, онъ вѣрно указалъ, что государство и религія, въ которыхъ прежніе консерваторы видѣли опору развитія владѣющихъ классовъ, не могутъ не вредить капиталистамъ и не эксплуатировать ихъ. Я не могъ бы лучше выставить опаснаго положенія буржуазіи, чѣмъ оно выставлено защитникомъ ея... Впрочемъ, я ошибаюсь; не защитникомъ буржуазіи вообще,

а защитникомъ небольшаго меньшинства мыслящихъ, энергическихъ и беззастѣнчивыхъ ея членовъ, которые прямо ставятъ себѣ задачею выработать изъ себя высшую расу и создать свое будущее величіе на трупахъ и на страданіяхъ всего остального человѣчества. И въ томъ онъ правъ, что полумѣры прежняго времени не приведутъ уже ни къ какому удовлетворительному результату; война и война неумолимая между капиталомъ и трудомъ, между эксплуататорами и эксплуатируемыми началась повсюду; дѣло идетъ для тѣхъ и другихъ о томъ, кому б ы т ь и кому н е б ы т ь Едва ли не правъ Картежникъ и въ томъ, что единственный цѣлесообразный способъ борьбы за существованіе, оставшійся буржуазіи, есть именно тотъ, который онъ указалъ. Она должна господствовать или погибнуть. Она должна откровенно объявить войну всѣмъ прочимъ силамъ общества во имя естественной борьбы за существованіе и прямо отрицать громкія слова: равенства, братства, справедливости и т. д., которыя до сихъ поръ писались на знаменахъ ея борящихся партій, но которыя всегда оказывались для нея пустыми словами или лицемѣрными масками эгоистическихъ стремленій. Она должна поставить своею явною цѣлью порабощеніе человѣчества капиталу, своимъ явнымъ орудіемъ конкурренцію во всѣхъ ея крайностяхъ.

„Да! Путь, указанный представителемъ капитала для буржуазіи, разсчитанъ хорошо, энергиченъ и устраняетъ отъ нея всѣ тѣ предразсудочныя препятствія, которыя мѣшали прежде людямъ вполнѣ раздавить своихъ противниковъ: этотъ путь есть для небольшаго числа капиталистовъ единственный, который остается; но этотъ путь невозможенъ, если сколько-нибудь можно заключить изъ прошедшаго исторіи о ея будущемъ, если добытые результаты опытной науки о человѣкѣ имѣютъ хотя малѣйшую долю вѣроятности; если повальное безуміе и безхарактерность не охватятъ всего человѣчества, за исключеніемъ того небольшаго кружка монополистовъ всѣхъ общественныхъ силъ, изъ котораго предпола-

гается выработать будущую господствующую расу.

„Я постараюсь не увлекаться и не возмущаться чрезъ мѣру, какъ ни возмутительны по своей сущности планы всемірной эксплуатаціи предшествующаго оратора. Будемъ говорить о практической сторонѣ этихъ плановъ. Какъ же это думаютъ ихъ осуществить представители будущей господствующей расы? Какъ достигнетъ своего всемірнаго преобладанія умственная и экономическая аристократія буржуазіи?

„Во первыхъ, ей предстоитъ перестроить нынѣшній политическій порядокъ въ виду огромной массы рабочихъ, объявившихъ ей открытую войну, и въ виду большинства буржуазіи болѣе мелкой, менѣе богатой, для которой торжество будущей расы, это — близкое раззореніе, болѣе далекое умственное, политическое и экономическое ничтожество, окончательное обращеніе въ рабочій скотъ. Правда, что капиталъ представляетъ весьма могучее орудіе преобладанія; правда, что рабочимъ не достаетъ въ большинствѣ и фактическаго знанія, и дѣловой рутины, и политической подготовки, и цѣлесообразной организаціи; правда, что и крупная и мелкая буржуазія до сихъ поръ не выказала вовсе пониманія своего положенія и ожидающаго ея будущаго, а тѣмъ менѣе, практическаго смысла при различныхъ катастрофахъ послѣдняго времени. Но перецѣнивать могущество своего оружія и разсчитывать на вѣчныя ошибки, на вѣчную глупость противниковъ, едва ли удачный пріемъ для долговременной борьбы, а, конечно, будущая аристократія капиталистовъ надѣется вполнѣ восторжествовать не сегодня и не завтра. Чѣмъ болѣе будетъ уясняться ея планъ для большинства не только рабочихъ, но и менѣе выгодно поставленныхъ членовъ буржуазіи, тѣмъ вѣроятнѣе, что въ средѣ угрожаемыхъ классовъ явятся болѣе умныя и энергическія личности, которыя съумѣютъ внушить своимъ группамъ настоящее пониманіе дѣла, съумѣютъ уяснить практическія задачи данной минуты, и съумѣютъ найти пути для противодѣйствія торжеству капиталистовъ будущей господствующей

расы. Конечно, большинство мелкой буржуазіи долго будетъ прибѣгать къ тому рутинному средству, къ которому прибѣгало до сихъ поръ: къ консерватизму во что бы то ни стало, т. е. къ поддержкѣ государства и административнаго преобладанія во всѣхъ его формахъ, какъ къ естественной оградѣ противъ деспотизма централизованнаго капитала. Но эти консерваторы, наконецъ, увидятъ то, что справедливо замѣтилъ мой оппонентъ: что государственные бюджеты, для своего равновѣсія, неизбѣжно будутъ высасывать все большую и большую долю ихъ барышей, что настоящій государственный строй стоитъ непомѣрно дорого и что нынѣшней мелкой буржуазіи долго вынести его невозможно.

„Когда, такимъ образомъ, консерватизмъ мелкой буржуазіи ослабѣетъ, то настанетъ минута капиталистамъ централизаторамъ осуществлять свою новую систему биржеваго политическаго строя. Но какъ они это сдѣлаютъ: путемъ революціи или путемъ легальной реформы? Извѣстно, что революція — мечъ двуострый, что ни одна революція, кромѣ дворцовыхъ, не обошлась безъ того, чтобы самые бѣдные классы общества не вышли на площадь, какъ орудіе или какъ дѣятели. Конечно, они были почти всегда орудіями, и это было неизбѣжно, пока они вѣрили, что революціонеры — ихъ друзья и покровители; что эти люди, стремясь къ политическимъ переворотамъ, имѣютъ въ виду и улучшеніе положенія большинства. Но мой оппонентъ самъ призналъ, что теперь дѣло иное.

„Да, теперь дѣло иное. Война между капиталистомъ и пролетаріемъ объявлена, и бѣдный не повѣритъ уже богатому революціонеру. Прошло время, когда рабочіе своею кровью доставляли адвокатамъ и промышленникамъ мѣста министровъ конституціонныхъ королей или власть членовъ республиканскаго правительства. Проучили ихъ парламентскіе говоруны, смыслъ рѣчей которыхъ всегда одинъ и тотъ же: новыя права богатымъ и горе бѣднякамъ, горе народу! Проучили ихъ всѣ правительства, одно за другимъ высасывающія изъ нихъ

ихъ силы и бросавшіе ихъ на произволъ ихъ эксплуататоровъ. Проучили ихъ всѣ религіозные, монархическіе, аристократическіе, демократическіе агитаторы, взывавшіе къ народу въ минуту опасности и, потомъ всегда забывавшіе народъ на другой день побѣды. Наши дѣды помогали господству церкви въ религіозныхъ войнахъ. Наши отцы помогали господству капитала въ политическихъ революціяхъ, совершаемыхъ буржуазіею. Наши братья помогаютъ господству настоящаго государственнаго строя, думая, что разные законы и конституціи имъ обезпечиваютъ ихъ скудный заработокъ. Наука разсѣяла религіозныя страсти минувшаго. Опытъ исторіи доказалъ, что торжество буржуазіи въ революціяхъ ложится на бѣднаго болѣе тяжелымъ гнетомъ, чѣмъ господство эгоистическихъ монархій. Опытъ жизни разсѣеваетъ ежедневно иллюзіи нашихъ братьевъ, вѣрующихъ еще въ правительства, въ законы и конституціи. Въ насъ все уясняется и распространяется сознаніе, что всѣ, окружающія насъ, общественныя силы намъ враждебны; что лишь крѣпкая искренняя ассоціація рабочихъ пролетаріевъ можетъ быть нашимъ руководящимъ принципомъ, можетъ составить нашу силу, можетъ дать намъ побѣду. Вић ассоціаціи рабочаго пролетаріата около него только враги, и онъ прямо и откровенно объявляетъ себя врагомъ всѣхъ наличныхъ общественныхъ силъ, давившихъ и эксплуатировавшихъ ихъ въ продолженіи тысячелѣтій.

„Мы — враги религіи и союзники науки, подобно нашимъ противникамъ, потому что религіи отупляютъ насъ, а наука даетъ намъ средства для борьбы и побѣды. Мы — враги существующаго государства и всякой политической власти, потому что всякая власть давитъ свободную ассоціацію принудительными формами; потому что въ государствѣ безсодержательная форма всегда преобладаетъ надъ реальнымъ содержаніемъ общественной жизни; потому что большая часть государственнаго строя для насъ безполезна и стоитъ дорого; потому что государства не рѣшаются и не рѣшатся отречься

отъ призраковъ религіи въ пользу положительныхъ данныхъ знанія; потому что государства по сущности представляютъ господство монополіи, поглощеніе результатовъ труда праздными паразитами общества.

„А прежде всего мы — враги всякой монополіи, потому что она нераздѣльна съ конкурренціею, которая подрываетъ прочность ассоціаціи въ самыхъ ея основахъ. Мы — враги всѣхъ классовъ, сословій и личностей паразитовъ общества, пользующихся чужимъ трудомъ для своихъ наслажденій, потому что эти люди не могутъ не быть приверженцами монополіи, не могутъ не быть враждебны всякой свободной ассоціаціи, и мѣшаютъ намъ косвенно даже тогда, когда не противодѣйствуютъ намъ явно. Само собою понятно, что мы объявленные, откровенные, непримиримые враги въ особенности тѣхъ капиталистовъ-централизаторовъ, которые ставятъ себѣ сознательно цѣлью наше порабощеніе, обезчеловѣченіе. Между нами и ими нѣтъ и не можетъ быть уговора, соглашенія, уступокъ. Капиталъ долженъ насъ обратить въ низшую расу, въ рабочій скотъ, или погибнуть. Мы должны тоже разрушить всѣ его экономическія и легальныя основы, или погибнуть.

„Борьба началась и будетъ продолжаться до окончательной гибели одного изъ насъ. Она будетъ трудна, и мы должны разсчитывать, на что мы можемъ опереться. Мы знаемъ это. У насъ двѣ опоры и только двѣ: знаніе и крѣпкая организація. Намъ для борьбы нужно ясное пониманіе реальнаго и только реальнаго, нужно знаніе и только знаніе, внѣ всякой иллюзіи о своихъ и чужихъ силахъ, о какихъ нибудь сверхъестественныхъ и провиденціальныхъ пособіяхъ. Намъ также нужна крѣпкая организація ассоціаціи всѣхъ трудящихся. Это и есть наша ближайшая цѣль, наше насущное дѣло. Рабочіе одного ремесла сплачиваются во всемірные союзы. Рабочіе одной мѣстности сближаются въ общемъ дѣлѣ борьбы противу государства ихъ давящаго, противу капитала, ихъ эксплуатирующаго. Всюду идутъ вѣстники новаго евангелія рабочихъ, проповѣдующіе

братство пролетаріевъ, неумолимую борьбу сообща противу общихъ враговъ. Мы зовемъ въ свою среду всѣхъ трудящихся, потому что наша побѣда будетъ возможна и окончательна лишь тогда, когда въ ней будетъ участвовать большинство человѣчества. Мы провозглашаемъ равенство всѣхъ трудящихся, братство всѣхъ притѣсненныхъ, солидарность міроваго пролетаріата, и каждый день приближаетъ насъ къ осуществленію великой міровой ассоціаціи рабочихъ, къ могучей организаціи, которая покроетъ міръ солидарными секціями братьевъ по труду, стоящихъ всѣ за одного, одинъ за всѣхъ, и въ данную минуту, по данному знаку, готовыхъ разомъ двинуть милліоны своихъ крѣпкихъ рукъ, закаленныхъ долгимъ трудомъ, долгимъ терпѣніемъ, долгою ненавистью, на великое дѣло соціальной революціи. Какъ враги конкурренціи, враги монополіи, мы одни имѣемъ возможность составить прочную ассоціацію, организовать ее и съ полной искренностью ее поддерживать, потому что одинъ трудъ не требуетъ взаимнаго поѣданія, не требуетъ монополіи для правильной своей организаціи. Могучая организація рабочаго пролетаріата есть самая насущная потребность наша. Ясное пониманіе нашихъ потребностей, ясное пониманіе реальнаго и возможнаго, опирающееся на знаніе природныхъ и общественныхъ условій соціальной борьбы, должно лечь въ основу этой организаціи. Едва она разростется въ достаточной степени, нѣтъ силы, которая могла бы противустоять намъ, нѣтъ врага, который не палъ бы передъ нашимъ напоромъ, потому что мы — вся соціальная сила, мы сущность общества, мы — человѣчество. Когда же мы имѣемъ за себя возможность ассоціаціи, научное пониманіе и крѣпкую организацію, то мы ручаемся за послѣдовательность нашихъ дѣйствій, за неуклонное стремленіе къ нашей цѣли, за неумолимость относительно всего, что стоитъ на нашей дорогѣ.

„И неужели при этомъ то озлобленіи пролетаріата противу буржуазіи и главныхъ представителей капитала, при этой разрастающейся не по днямъ, а по часамъ

организаціи рабочихъ, направленной противъ капитала, капиталисты рѣшились бы прибѣгнуть къ орудію политической революціи въ свою пользу. Неужели они рѣшились бы вызвать народъ на площадь для низверженія нынѣшняго политическаго строя и для основанія строя, долженствующаго установить царство капитала. Признаюсь, это была бы съ ихъ стороны попытка весьма и весьма рискованная. Взрывъ точно произошелъ бы и унесъ бы, вѣроятно, нынѣшнюю политическую систему; но еще вѣроятнѣе, онъ унесъ бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, и блестящій идеалъ будущей всемогущей федераціи биржевыхъ самодержавныхъ республикъ. При первомъ призывѣ вашемъ къ революціи, мы точно выйдемъ на площадь, точно низвергнемъ нынѣшнія нелѣпыя государственныя власти, но не ваше знамя золотаго мѣшка станетъ на мѣсто нынѣшнихъ орловъ и леопардовъ, черно-желтыхъ и трехцвѣтныхъ государственныхъ знаменъ, а знамя народа, знамя работниковъ, знамя кровавой соціальной революціи, федераціи рабочихъ союзовъ.

„И такъ, всего вѣрнѣе капиталистамъ идти къ осуществленію своего хищническаго плана путемъ легальной реформы. Это, повидимому, возможно, такъ какъ возрастающія финансовыя затрудненія государствъ дадутъ болѣе и болѣе поводовъ денежнымъ централизаторамъ усилить свое политическое вліяніе, притягивать въ свои руки всю власть и, мало по малу, сдѣлать изъ парламентовъ, министерствъ и государственныхъ совѣтовъ лишь исполнительныя вѣдомства для тѣхъ соображеній, которыя будутъ обдумываться главами большихъ банкирскихъ, торговыхъ и промышленныхъ фирмъ. Имѣя въ рукахъ всѣ выборы, всѣ назначенія, всѣ вліянія, они точно могли бы править міромъ подъ именемъ государственныхъ властей, давить своихъ противниковъ въ назначаемыхъ ими судахъ, издавать какіе-угодно законы, употреблять арміи для уничтоженія всякой попытки противустать ихъ преобладанію, и шагъ за шагомъ могли бы идти къ своей блестящей цѣли.

„Могли-бы, но не могутъ, потому что всему этому

есть существенное препятствіе въ томъ, что составляетъ самую невыдѣлимую черту, характеризующую развитіе капитала. И эту черту откровенно подмѣтилъ Картежникъ. Вѣчное соперничество, вѣчная борьба между капиталистами, вѣчное стараніе каждаго подорвать всѣхъ своихъ товарищей, взять все себѣ, себѣ одному — вотъ сущность развитія капитала, основаніе его господства, его исторической роли. Если-бы все удалось совершенно такъ, какъ предполагалось по хищническому плану, передъ нами изложенному, то конкурренція погубила бы сначала мелкую буржуазію, потомъ среднюю, потомъ менѣе развитую, менѣе умную и менѣе энергическую долю высшей; но она на этомъ не могла-бы остановиться и не остановилась бы. Борьба продолжалась-бы между умнѣйшими и могущественнѣйшими капиталистами или они опустились-бы, поглупѣли и сдѣлались-бы жертвою соціальной катастрофы. При продолженіи же борьбы, они образовали-бы не всемогущую федерацію самодержавныхъ капиталистовъ, управляющую міромъ, а столь-же соперничествующія единицы, какъ нынѣшія государства; они употребляли бы свое политическое вліяніе для того, чтобы подрывать другъ друга; они направляли бы арміи для взаимнаго раззоренія; и пока въ мірѣ оставалось-бы два господствующихъ капиталиста, они вели-бы борьбу между собою съ цѣлью образовать всемірную имперію, гдѣ одинъ эксплуатировалъ-бы все человѣчество. При подобной борьбѣ, лежащей въ самой сущности положенія, союзъ большихъ капиталистовъ для согласнаго дѣла былъ-бы тѣмъ менѣе возможенъ, чѣмъ менѣе оставалось бы около нихъ силъ имъ враждебныхъ. То, что теперь еще встрѣчается: образованіе большихъ денежныхъ ассоціацій капиталовъ для подавленія мелкихъ или для эксплуатаціи государства, не имѣло бы повода существовать, когда мелкіе капиталы были-бы уничтожены, а государства подчинены. Будущее принадлежитъ не имъ, а тому элементу, который хранитъ въ себѣ возможность ассоціаціи.

„Но капиталисты не могли-бы не только упрочить

своего господства надъ міромъ; они не могутъ и достигнуть этого господства все по той же причинѣ. Въ виду большаго сегодняшняго барыша, въ ихъ рядахъ, и какъ разъ между умнѣйшими, всегда найдутся измѣнники общему ихъ дѣлу, которые будутъ столь же равнодушны къ торжеству капитала надъ всѣми его противниками, если это торжество наступитъ послѣ ихъ смерти, какъ и къ страданіямъ человѣчества, которыя дѣйствительно происходятъ около нихъ въ настоящемъ, вслѣдствіе ихъ беззастѣнчивой биржевой игры. Они продадутъ своихъ компаніоновъ по денежнымъ операціямъ какъ продаютъ своихъ пріятелей, довѣрившихъ имъ свои заработки, какъ продаютъ свое отечество, какъ продали бы все на свѣтѣ, чтобы обдѣлать крупное дѣльцо. Они станутъ на сторону разрушающагося государства противу великаго плана всемірнаго господства капитала въ будущемъ. Они станутъ на сторону традиціи противу критики мысли, которая одна можетъ закрѣпить это господство. Они готовы будутъ взять крупный барышъ, обдѣлывая выгодное дѣло и въ томъ случаѣ, когда ихъ капиталъ далъ бы средства мелкой буржуазіи отдалить на нѣкоторое время свою гибель, все таки неизбѣжную; или даже въ томъ, когда этотъ капиталъ сдѣлался бы въ рукахъ рабочаго класса оружіемъ для ниспроверженія великихъ замысловъ ихъ сотоварищей.

„Обширный планъ дѣйствія, обнимающій нѣсколько поколѣній! Будущее торжество! Не смѣшно ли думать, что люди, отрекшіеся отъ всего, называемаго ими предразсудочными иллюзіями, люди, улыбающіеся при словахъ: справедливость. общее благо, сочувствіе и содѣйствіе другимъ, что эти люди откажутся отъ малѣйшаго вѣрнаго барыша, въ виду нерожденныхся поколѣній? что они пожертвуютъ чѣмъ либо для какого-то будущаго? Развѣ грядущія поколѣнія для нихъ не представляютъ иллюзіи? Развѣ будущее для нихъ существуетъ? Для нихъ реально лишь ихъ личное наслажденіе въ краткій періодъ, который наука назначаетъ человѣческой жизни; пожалуй, еще — благоденствіе немногихъ лицъ,

которымъ они симпатизируютъ, опять на этотъ же краткій періодъ: для нихъ реаленъ настоящій барышъ, вычисляемый и ощутимый. Но будущее! Положительные люди, дѣльные торговцы подобныхъ призраковъ не знаютъ, такъ какъ эти призраки не котированы на биржѣ. Имъ принадлежитъ настоящее — до поры до времени. Но будущее принадлежитъ намъ.

„Для биржевыхъ волковъ невозможно искреннее соглашеніе для легальнаго осуществленія ихъ хищныхъ плановъ. Для нихъ невозможно и прибѣгнуть къ революціи въ удобную минуту, потому что революція рабочихъ начинается противъ нихъ. Имъ, ослѣпленнымъ злобою, остается идти кровавымъ путемъ къ недостижимой цѣли, къ будущему, которое во всякомъ случаѣ казнитъ ихъ.

„Будущее принадлежитъ не хищникамъ, поѣдающимъ и унижающимъ все около себя, поѣдающимъ другъ друга въ вѣчной борьбѣ за болѣе вкусный кусокъ, за награбленное богатство, за господство надъ массами и за возможность ихъ эксплуатировать. Оно принадлежитъ людямъ, ставящимъ себѣ человѣческія цѣли взаимнаго развитія, цѣли теоретической истины и нравственной правды, людямъ, способнымъ дѣйствовать вмѣстѣ, сообща, для общей цѣли, для общаго блага, для общаго развитія, для воплощенія въ жизнь и въ общественныя формы высшихъ человѣческихъ идеаловъ. Наши враги борятся и неизбѣжно должны бороться между собою, при чемъ въ этой борьбѣ каждая катастрофа есть выигрышъ для насъ, такъ какъ мы сознали, что они всѣ враги намъ, и рѣшились болѣе не помогать никому изъ нихъ. Безъ насъ же ничья побѣда не только не прочна, но и невозможна. А наша организація растетъ въ силѣ, растетъ въ числѣ. Все лучше мы понимаемъ средства, нужныя намъ для борьбы. Знаніе и организація дадутъ намъ эти средства. Мы рѣшились бороться и будемъ бороться. Мы будемъ не разъ побѣждены. Насъ будутъ преслѣдовать, ссылать, избивать. Проповѣди духовенства, кары закона, подозрительный

надзоръ капиталистовъ обрушатся на насъ всею своею тяжестью, будутъ мѣшать намъ на каждомъ шагу. Но безъ нашего труда общество существовать не можетъ, слѣдовательно, насъ истребить нельзя, и даже послѣдовательными наши враги быть не могутъ при разнообразіи ихъ цѣлей. У насъ же цѣль одна, и мы будемъ послѣдовательны. Поколѣнія передадутъ поколѣніямъ преданія борьбы, завѣтъ окончательнаго идеала соціальнаго рабочаго строя. Поколѣнія пойдутъ одно за другимъ по опредѣленному пути къ опредѣленному будущему, не подрываясь конкурренціей, не увлекаясь призраками, но расширяя и уясняя свое пониманіе реальнаго и возможнаго, расширяя и укрѣпляя свою организацію, пока знаніе дастъ намъ надлежащую опору для полной побѣды, пока организація наша не охватитъ всего живаго и не развѣетъ прахъ всего мертваго. Мы не пощадимъ никого и ничего, потому что всему живому есть мѣсто въ нашей организаціи, если только оно хочетъ вступить въ нее. Все остальное обречено на гибель. Оно и погибнетъ.

„Близится, близится часъ окончательнаго разсчета вѣчныхъ страдальцевъ, вѣчныхъ тружениковъ съ тѣми, которые въ продолженіи тысячелѣтій жили ихъ трудомъ и ихъ кровью; съ тѣми, которые покупали себѣ всѣ наслажденія горемъ милліоновъ.

„Довольно господствовали политики въ своихъ парламентахъ, цари во дворцахъ: рабочимъ не нужно государственной централизаціи, не нужно хитро-задуманныхъ конституцій для взаимнаго обмана партій, не нужно многосложнаго кодекса, вѣчно слабаго передъ богатымъ и сильнымъ хищникомъ, вѣчно неумолимаго для бѣдняка. Рухнутъ, скоро рухнутъ эти политическіе левіаѳаны, пожирающіе народы. Легально или нелегально мы подорвемъ существующій политическій строй и замѣнимъ его своею самодержавною организаціею труда въ свободныя федераціи рабочихъ общинъ.

„Довольно господствовали капиталисты поземельнаго владѣнія, капиталисты-промышленники, капиталисты бир-

жевики; довольно разврата и позора они внесли въ человѣчество, выставляя на продажу все и всѣхъ, торгуя собою, торгуя народами, торгуя убѣжденіемъ. Соціальная революція унесетъ самые слѣды этого гнилого торгашества. Она не выгонитъ только торговцевъ изъ храма правды, какъ сдѣлалъ легендарный Христосъ, она воздвигнетъ свой храмъ правды, свое царство истины на трупахъ и на крови этихъ всемірныхъ хищниковъ, этихъ вѣчныхъ эксплуататоровъ человѣчества. Легально или нелегально мы отнимемъ у „будущей избранной расы“ капиталистовъ тѣ награбленныя богатства, которыя помогли бы имъ выработать изъ себя эту избранную расу. Мы побѣдимъ не только потому, что мы — сила, но и потому, что мы — строители царства истины и справедливости.

„Да, я прямо и смѣло объявляю, что для мыслящихъ дѣятелей въ нашей средѣ, нашъ прогрессъ не есть только торжество одного класса людей надъ другимъ, труда надъ монополіей, знанія надъ традиціей, ассоціаціи надъ конкурренціею. Наша побѣда есть для насъ нѣчто высшее: это — осуществленіе умственной и нравственной цѣли развитія личности, общества и всего человѣчества. Наши враги могутъ называть это иллюзіями, пустыми словами. Они точно обратили въ грязныя лицемѣрныя вывѣски все высшее, все великое въ человѣчествѣ. Для нихъ истина и справедливость точно были пустыми словами, подъ которыми они скрывали свои хищныя побужденія. Но для насъ эти иллюзіи и теперь реальность и мы сдѣлаемъ ихъ реальностью въ исторіи. Если же это — иллюзіи, то онѣ все таки не отнимутъ у насъ ни энергіи въ дѣятельности, ни рѣшимости уничтожить все, намъ сопротивляющееся. Наши противники могутъ смѣяться надъ нашею наивностью, но мы думаемъ, что именно это убѣжденіе поможетъ намъ бороться и гибнуть за торжество будущихъ поколѣній, торжество, котораго мы не увидимъ; именно это убѣжденіе свяжетъ насъ крѣпче съ нашими единомышленниками и сдѣлаетъ насъ неумолимѣе относительно нашихъ

враговъ. Да, во имя будущаго царства истины и справедливости, которое мы хотимъ воздвигнуть, горе тому, кто былъ врагомъ правды, кто истязалъ ее во имя фиктивнаго государственнаго блага, кто искажалъ ее во имя своихъ эгоистическихъ цѣлей. Смѣйтесь надъ истиной, смѣйтесь надъ справедливостью, хищники правительственные, хищники промышленные; скоро вамъ будетъ не до смѣха. Именно во имя этого твердаго, искренняго убѣжденія, что мы боремся за вѣчную, вѣчную правду, я еще съ большею увѣренностью утверждаю: рухнутъ передъ нами всѣ препятствія, погибнутъ всѣ враги, и наши потомки повторятъ въ сознаніи одержанной побѣды то, что мы теперь уже говоримъ въ твердой увѣренности, что они одержатъ ее: будущее принадлежитъ намъ!“

Весь блѣдный, Бабэфъ сѣлъ на мѣсто. Когда онъ кончилъ, съ полминуты продолжалось молчаніе. Картежникъ, развалившись на своемъ стулѣ и сгибая своею широкою рукою лезвіе ножа, упертаго въ столъ, проговорилъ наконецъ: „Посмотримъ“; и потомъ, быстро обращаясь къ Инквизитору: „Что же, святой патеръ, очередь за вами“.

Инквизиторъ откашлялся сухимъ, судорожнымъ кашлемъ и началъ:

„Подумаешь, какіе вы умные, всезнающіе, всемогущіе люди. Прошедшее передъ вами, какъ на ладони, силы природы въ вашихъ рукахъ, и будущее вы читаете, какъ школьникъ читаетъ букварь. Не только то будущее, которое такъ искусно предсказываютъ каждодневно ваши газетчики, будущее, долженствующее наступить черезъ нѣсколько дней или черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, — это уже дѣло въ наше время слишкомъ обычное, чтобы такіе умные люди надъ нимъ трудились, хотя мнѣ какъ-то чаще приходилось видѣть, что господа газетчики сами описывали, какъ случались вещи совсѣмъ навыворотъ противъ ихъ предсказаній. Вамъ же нужно болѣе широкое поле: точно пророки, которыхъ вы топчете въ грязь вашими грязными ногами, или точно наемные пред-

сказатели, надъ которыми вы смѣетесь, вы видите за нѣсколько поколѣній, видите за сотни и тысячи лѣтъ. Путь человѣчества вами предначертанъ; вы ставите ему цѣли, указываете средства, и, подобно послушному ребенку, оно идетъ, куда угодно его вести господину фабриканту или гражданину переплетчику. Черезъ вѣкъ оно должно поступить такъ, черезъ два вѣка — этакъ; а тамъ, черезъ тысячу лѣтъ, произойдетъ такая-то катастрофа; тогда-то мы перерѣжемъ сто тысячъ человѣкъ; тогдо то перевѣшаемъ всѣ правительства; тогда то обратимъ всѣ церкви въ мѣста собраній для всенародныхъ оргій; затѣмъ еще подушимъ и порѣжемъ другъ друга, и наконецъ... да! что будетъ наконецъ?... я совсѣмъ смущенъ ослѣпительною перспективою, которую вы передо мною развиваете, — наконецъ наступитъ торжество плоти и безбожной мысли. Одинъ уже выработалъ особенную расу, вѣроятно съ большимъ числомъ чувствъ, съ мозгомъ усовершенствованнаго сорта, обративъ, при пособіи науки, своихъ братьевъ-людей въ обезьянъ, что весьма немудрено, если они когда-то и безъ всякаго пособія науки сдѣлались изъ обезьянъ людьми. Другой вывернулъ все общество на изнанку, такъ что старое проклятіе человѣка — трудъ въ потѣ лица — сталъ господиномъ и повелителемъ. И все это на основаніи науки! Эти люди готовы перерѣзать другъ друга, истребить всѣхъ противниковъ до единаго; одинъ видитъ адъ тамъ, гдѣ другой находитъ рай; но въ одномъ они всѣ согласны, подаютъ другъ дугу свои кровавыя руки, преклоняются передъ тѣмъ же идоломъ и готовы сообща рѣзать общаго врага. Этотъ идолъ — человѣческая наука, незнающая бога; этотъ врагъ — религія. Для нея нѣтъ мѣста въ разносторонихъ способностяхъ будущей расы, которая должна монополизировать всѣ человѣческія силы. Она исключена и изъ царства истины и справедливости, которое должно быть воздвигнуто сапожниками и столярами, когда кромѣ сапожниковъ и столяровъ никого не будетъ на свѣтѣ. Наукѣ — поклоненіе, религіи — гоненіе. Это старье намъ не нужно,

чтобы рѣзать другъ друга и праздновать торжество самыхъ низкихъ побужденій.

„По крайней мѣрѣ, вы откровенны, и прямо объявляете войну всему, что человѣчество когда то уважало, чѣмъ оно руководилось впродолженіи своей тяжелой жизни, что его поддерживало въ страданіяхъ. Особенно мнѣ нравится создатель новой расы: онъ такъ-таки прямо и говоритъ: законъ взаимнаго поѣданія, существующій для безсмысленнаго животнаго, есть высшій законъ и для человѣка, проглотившаго всю науку, выработанную имъ съ такимъ трудомъ въ продолженіи тысячелѣтій. Построитель царства истины и справедливости не додумалъ еще до конца своихъ теорій; его слухъ еще ласкаютъ слова, вынесенныя имъ изъ стараго міра, имъ оплеваннаго; но отчаяваться не надо: и онъ найдетъ наконецъ, что для царства, такимъ образомъ построеннаго, истина и справедливость не болѣе, какъ пустыя слова; что, если онъ послѣдователенъ, то долженъ поставить себѣ не человѣческій, а звѣриный идеалъ, долженъ отречься отъ всего, отличавшаго его предковъ отъ безсмысленнаго животнаго, долженъ приблизиться къ тѣмъ существамъ, происхожденіемъ отъ которыхъ онъ нынче гордится. Старая религія говорила человѣку: тебя создалъ Богъ по своему подобію; сдѣлайся ангеломъ, чтобы приблизиться къ этому образцу. Вы это измѣнили: ты родился отъ животнаго; сдѣлайся животнымъ, чтобы приблизиться къ твоимъ предкамъ, — такъ говоритъ новая наука. И она должна говорить это. Отрекаясь отъ единственнаго источника истины и добра, она должна ставить идеаломъ животное; она должна ослѣплять васъ болѣе и болѣе; должна внушать вамъ стремленіе истреблять другъ друга, должна вести васъ къ вашей гибели, временной и вѣчной. А вы не видите этого; вы прославляете ее, преклоняетесь передъ нею, смотрите на нее, какъ на ваше единственное спасеніе, какъ на всемогущую силу, которая позволитъ вамъ пересоздать природу и человѣ-

ка, осуществить ваши порочные и грязные идеалы будущаго, сдѣлаться богами.

„Я не жалѣю васъ, потому что ненавижу отъ глубины души, — ненавижу, какъ участникъ божьяго града долженъ ненавидѣть участниковъ града дьявола; я радуюсь вашей гибели, на которую вы сами обрекли себя, какъ праведники радуются вѣчнымъ мукамъ осужденныхъ въ аду. Но я удивляюсь вашему ослѣпленію. Посмотрите, что вамъ дала ваша наука, передъ которой вы идолопоклонствуете, и сравните съ этими жалкими результатами то, чего вы отъ нея ожидаете. Вглядитесь хорошенько и въ то, чему она можетъ васъ научить, и сравните съ планами, которые вы такъ гордо строите.

„Ваша наука обѣщала вамъ господство надъ природою. Дала ли она его? Даже подвинулась ли она далеко въ доставленіи его вамъ? Завоевали ли вы у моря и у степи новыя владѣнія? Улучшили ли вы климатъ какой-либо страны? Измѣнили ли вы направленіе вѣтровъ, морскихъ теченій, распредѣленіе дождя и града, ходъ урагановъ? Могутъ ли ваши доктора, употребляя всю жизнь на свою науку, гордиться тѣмъ, что въ силахъ излѣчить хотя одну болѣзнь, которая не излѣчилась бы во многихъ случаяхъ и безъ ихъ пособія? Могутъ ли ваши метеорологи предсказать за нѣсколько дней погоду? Вы избороздили поверхность земли дорогами, настроили пароходы для движенія по океанамъ, воздвигли кое-какіе города и гордитесь этимъ. Да ничтожнѣйшія животныя сдѣлали больше вашего: они построили обширные острова, громадныя горы, цѣлые материки; они плаваютъ, не боясь кораблекрушенія; они летаютъ по воздуху, чего вы до сихъ поръ не могли сдѣлать съ вашими аэростатами, построенными по всѣмъ правиламъ науки и техники; они летаютъ безъ компаса, по указанію инстинкта; они предвидятъ погоду далеко ранѣе васъ. Вы безсильны передъ природою столько-же, какъ они, и даже болѣе, чѣмъ они, не смотря на всю вашу науку.

Но вы гордитесь знаніемъ; вы понимаете приро-

ду. Странное знаніе, которое не даетъ власти! Въ сущности, если вы вглядитесь въ него, то оно крайне незначительно. Ваши наблюденія и опыты, ваши индуктивныя и дедуктивныя разсужденія дали вамъ кое-какіе отрывочные факты, но смѣшно и называть это пониманіемъ. Вы до сихъ поръ не знаете, что за штука такая тяготѣніе, а это самый всеобщій законъ вашей физики, за который вы вашихъ Ньютоновъ произвели чуть не въ боги. Вы думали, думали и до сихъ поръ не додумались, что такое свѣтъ и теплота, а ужъ, кажется, это вещи не сверхчувственныя. Какъ не вертитесь вы съ вашей критикой, отвергающей гипотезы, а приходите, наконецъ, опять къ эфиру, котораго никто не видалъ, никто не ощущалъ, да никто и не можетъ видѣть и ощущать, т. е., въ сущности, вы въ пониманіи свѣта не пошли далѣе Аристотеля, или, еще вѣрнѣе, не далѣе того древнѣйшаго писателя, который на первыхъ строкахъ своей древней книги написалъ: и бысть свѣтъ! Я все это говорю о вашихъ основныхъ наукахъ, которыя давно уже перешли, какъ вы выражаетесь, изъ теологическаго и метафизическаго фазиса къ позитивному. Ну, а какъ загляднемъ далѣе, въ область вашей премудрой біологіи? Я не могу не хохотать, читая хитрыя опредѣленія жизни, которыя даютъ ваши уважаемые ученые и мыслители. Какъ только приходится понять, чѣмъ отличается живое существо отъ неживого, какъ происходитъ жизнь, всѣ становятся въ тупикъ. „Вотъ живое существо; смотрите, оно движется“, говоритъ одинъ. „Куда! Это — продуктъ разложенія“, отвѣчаетъ другой, „мертвая соринка, движущаяся по физическимъ законамъ“. „Я сдѣлалъ организмъ изъ мертваго вещества!“ восклицаетъ гетерогенистъ. „Врешь! тамъ было невидимое яйцо“, возражаетъ его противникъ. И спорятъ, и спорятъ; все наблюденія, опыты, размышленія индуктивныя и дедуктивныя... вотъ ваше пониманіе природы! Мнѣ надоѣло приводить примѣры, а ихъ не оберешься. Если бы вы не были ослѣплены для вашей гибели, то вы давно сознались бы, что вы природу еще менѣе по-

нимаете, чѣмъ ею властвуете, а въ этомъ вы не далеко ушли.

„И съ этимъ-то круглымъ невѣжествомъ, съ этимъ-то полнѣйшимъ безсиліемъ вы приступаете къ рѣшенію вопросовъ о человѣческомъ обществѣ, что, и по вашему сознанію, составляетъ предметъ сложнѣйшей изъ вашихъ человѣческихъ наукъ; приступаете къ опредѣленію будущаго исторіи и рѣшаетесь сказать: мы такъ-то и такъ-то перестроимъ общество... Вы были бы жалки и смѣшны, если-бъ васъ стоило жалѣть, и если бы вы не возбуждали отвращенія.

„Между тѣмъ исторія могла бы васъ научить коечему, для васъ полезному. Не вы первые задумали руководить судьбами человѣчества и построить будущее его по своей мысли. Это очень старинная попытка. Я не стану вамъ говорить о тѣхъ, которые пытались сдѣлаться богами путемъ познанія добра и зла, или о тѣхъ, которые вздумали построить себѣ башню до неба. Вы, въ вашей высокой мудрости, называете это миѳами. Я не считаю нужнымъ спорить съ вами и останусь на почвѣ вашей немиѳической исторіи. Мнѣ ея достаточно для моихъ аргументовъ. Переберите всѣ цѣли, которыя ставили себѣ народы и ихъ могущественные предводители, — цѣли, для удовлетворенія которыхъ употреблены были всѣ средства человѣческой мудрости, всѣ силы разнообразныхъ цивилизацій, и сравните это съ полученными результатами. Люди хотѣли одного; выходило какъ разъ противоположное. Народы стремились обособиться, считали врагомъ всякаго чужаго, ограждали свое обособленіе строгими законами и мрачными вѣрованіями, — на дѣлѣ народы постоянно смѣшивались, сливались въ обширныя группы; цивилизаціи разливались отъ океана до океана: всякое обособленіе оказывалось невозможнымъ. Государства были основаны на господствѣ силы — на дѣлѣ вырабатывался законъ. Завоеватели стремились ко всемірной монархіи — ихъ трудъ давалъ въ результатѣ пробужденіе національныхъ ненавистей, усиливше національнаго обособленія. Греческіе философы за-

думали замѣнить религію своихъ согражданъ безбожнымъ міросозерцаніемъ, — результатомъ ихъ ученія было подготовленіе языческаго міра для христіанства. Еретики древняго времени хотѣли обсуждать таинство догматовъ по пріемамъ языческой діалектики — результатомъ было подчиненіе личной мысли авторитету соборовъ и слову папъ. Еретики временъ такъ называемой реформы думали усилить религію, отрицая папство, — они привели своихъ учениковъ къ атеизму и теперь тщетно ищутъ средствъ отвратить гибель того, что они называютъ своею церковью. Въ новое время либералы думали обезпечить миръ въ человѣчествѣ, отрицая вѣру, отрицая политическую вражду, отрицая національное обособленіе, ставя единственной цѣлью человѣку экономическіе обороты и денежную выгоду — въ результатѣ получились столь кровопролитныя, столь раззорительныя и столь варварскія войны, какія едва ли видѣлъ свѣтъ со времени гунновъ; и за этими войнами видна уже неизбѣжность новыхъ еще болѣе кровопролитныхъ столкновеній, такъ какъ не только личныя честолюбія правителей, но международныя ненависти обширныхъ племенъ проснулись съ ожесточеніемъ, непонятнымъ для ограниченныхъ утилитаристовъ. Но и это не все: изъ за борьбы честолюбивыхъ императоровъ, изъ за ненависти народовъ уже совершенно видно приближеніе еще иной, болѣе глубокой, болѣе истребительной борьбы ожесточенныхъ классовъ общества, которые здѣсь присутствуютъ въ лицѣ двухъ своихъ самыхъ откровенныхъ представителей; эта борьба, какъ мы слышали, не можетъ кончиться трактатомъ, хищничествомъ двухъ, трехъ провинцій, или проведеніемъ границъ государства по предѣламъ національностей; для нея трактатъ невозможенъ, границы не существуютъ; она кончится, по собственному сознанію борящихся, лишь истребленіемъ одного изъ двухъ противниковъ.

„И вотъ, въ виду этихъ весьма ясныхъ уроковъ вашей критической исторіи, вы забавляетесь построеніемъ плановъ для далекаго будущаго и говорите: мы направимъ человѣчество туда-то. Безумцы! Человѣчест-

во направить нельзя; каждый разъ, когда ослѣпленные руководители думали вести его къ своей цѣли, они безсознательно вели его къ другой. То, что придумываетъ, что хочетъ, къ чему стремится человѣкъ, прямо противоположно тому, чего хочетъ, и что безъ труда совершаетъ высшая сила, управляющая человѣчествомъ. Но вы не признаете этой высшей силы, вы усиливаете намѣренно вашу слѣпоту ея отрицаніемъ. Ступайте же, рѣжьтесь, губите другъ друга и губите ослѣпленныя вами жертвы. Это — ваше вѣрное будущее. Спѣшите къ вашей гибели; вы на нее осуждены, и вѣрующіе ждутъ терпѣливо, когда вашъ часъ наступитъ.

„Наука, говорите вы, поможетъ вамъ пересоздать міръ и направить исторію, куда вамъ надо. Наука побѣдила религію... Презрѣнные слѣпцы! сочтите, много ли васъ всѣхъ, въ обоихъ вашихъ лагеряхъ, относя сюда и всѣхъ людей безъ убѣжденія, готовыхъ служить всякому; да, пожалуй, и многоученыхъ скептиковъ, въ родѣ нашего четвертаго собесѣдника? сочтите: много ли въ цѣломъ мірѣ адептовъ вашей науки и сопоставьте съ этимъ число лицъ, которыя живутъ еще вѣрою, если не въ настоящую истину, то въ разныя болѣе темныя ея отраженія. Какъ въ то время, когда древніе философы смѣялись надъ своими богами, такъ огромное большинство людей и теперь даже не знаетъ, надъ чѣмъ это вы трудитесь такъ тщательно, что значатъ ваши наблюденія и опыты, ваши индуктивная и дедуктивная логика. Большинство готово вѣрить въ колдовство и заклинаніе, готово вызывать души мертвыхъ или приносить жертвы дьяволу, потому что отъ этого есть еще путь къ истинѣ; но оно не хочетъ знать вашей науки. А еще сколько между адептами вашей науки людей, которые, въ минуту болѣзни или несчастья торопятся сжечь то, что они вчера обожали; прибѣгаютъ къ молитвѣ, которую еще вчера осмѣивали; готовы позвать ворожею, чтобы заговорить себѣ зубную боль: блѣднѣютъ передъ изреченіемъ медіума, который передаетъ имъ слова ихъ умершей любовницы; даже не рѣшаются сѣсть за столъ

тринадцатымъ. И все это — развитые, просвѣщенные люди; все это — адепты науки. Вы причисляете ихъ всѣхъ къ своимъ лагерямъ и надѣетесь на то, что они помогутъ вамъ воцарить науку... Ничтожные черви! Васъ, настоящихъ враговъ религіи, такъ мало, что если бы собрать васъ всѣхъ вмѣстѣ въ одинъ новый Содомъ, то вашъ городъ вышелъ бы меньше второстепенныхъ городовъ нашего времени. Да и другъ на друга вы совсѣмъ напрасно надѣетесь. Коснется васъ перстъ Того, Кто знаетъ, хочетъ и можетъ, — лопнетъ едва замѣтный сосудъ въ мозгу, переродится микроскопическая клѣточка, — и гдѣ ваши гордые замыслы, ваши остроумныя соображенія? Вы тогда окружены призраками, которыхъ не отгонитъ ваша наука; вы высказываете мысли, которыя рѣшились глубоко скрыть въ вашемъ сердцѣ; вы забавляетесь игрушками, какъ маленькія дѣти; вы не можете произнести обыденнаго слова; вы готовы пожирать ваши изверженія, какъ низшія животныя. И вотъ ваша всемогущая наука! Вотъ вашъ гордый разумъ!

„Вы такъ безсильны, такъ малочисленны, такъ ничтожны, что лишь ваше безуміе объясняетъ ваши нелѣпыя надежды на построеніе собственными силами будущаго, гдѣ вы одни будете царствовать, истребивъ всѣхъ остальныхъ. Провидѣніе, которое до сихъ поръ вело человѣчество, куда хотѣло, наперекоръ всѣмъ вашимъ, болѣе могущественнымъ предшественникамъ, поведетъ человѣчество и теперь къ своимъ цѣлямъ. Масса вѣрующихъ поглотитъ и переработаетъ униженные остатки вашихъ слѣпыхъ партій, какъ она поглотила и переработала школы мыслителей иного времени. Исторія сотретъ васъ съ лица земли. То, что вы самоувѣренно называете наукою, будетъ записано будущими историками, какъ одно изъ многочисленныхъ заблужденій человѣческой гордости, какъ археологическая рѣдкость, какъ нравственная эпидемія, давно исчезнувшая. То, что вы излагаете, какъ вѣрные планы постройки будущаго, будетъ тоже записано, какъ кровожадныя снови-

дѣнія преступника, мечтающаго еще удовлетворить свои животныя влеченія, когда его черезъ часъ разбудитъ палачъ. Все это — небольшіе эпизоды исторіи, которая разсказала уже много подобныхъ эпизодовъ. Поколѣнія смѣняютъ другъ друга, принося каждое свою долю заблужденій, грѣховъ, безсильныхъ возмущеній противъ вѣчной силы и вѣчной воли. Но дѣйствуетъ лишь она.

„Конечно, не нынѣшнимъ жалкимъ правительствамъ, не нынѣшнему идіотическому консерватизму побѣдить васъ, и противъ него вы — гиганты. Нынѣшній государственный строй заражепъ тою же болѣзнью, которая въ васъ дошла до послѣдняго своего кризиса. Онъ преклоняется передъ тѣми же идолами, которыхъ вы ставите въ вершинѣ вашего вавилонскаго столпотворенія. Онъ не рѣшается отречься отъ религіи, но не потому, чтобы онъ видѣлъ въ церкви единственную истину и единственное спасеніе, а потому, что онъ боится вашего вліянія на массы. Я считаю ослѣпленными идіотами или измѣнниками всѣхъ тѣхъ изъ насъ, которые проповѣдуютъ консерватизмъ, ищутъ поддержки въ нынѣшнихъ государственныхъ формахъ и поддерживаютъ правительства, какъ своихъ естественныхъ союзниковъ. Новая Европа, въ своемъ политическомъ строѣ, не можетъ уже отречься отъ двуличнаго либерализма и отъ промышленно-матеріальныхъ началъ своей традиціи. Слѣдовательно, этотъ строй намъ враждебенъ: мы должны его отвергнуть и предоставить его судьбѣ. Союзниковъ намъ не нужно, потому что нѣтъ въ мірѣ никого и ничего, имѣющаго возможность быть равноправнымъ союзникомъ Единаго Сущаго. Все существующее можетъ для Него быть лишь орудіемъ, подчиняться слѣпо Его волѣ и Его руководству. Кто ставитъ себѣ с в о и цѣли, кто считаетъ себя чѣмъ-то самостоятельнымъ, тотъ обрекаетъ себя на погибель и долженъ погибнуть. Нынѣшнія государства съ ихъ конституціями, парламентами, правами человѣка и правами гражданина, съ ихъ спорами о цензѣ и о всеобщей подачѣ голосовъ, о республикѣ безъ республиканцевъ, или о монархіи, гдѣ монархъ — пустая

формальность, -- все это для насъ столь-же мало имѣетъ смысла, какъ древніе фараоны, Навуходоносоры, Антіохи, Нероны. Они могутъ сдѣлать зло кое-какимъ личностямъ, могутъ губить народы и государства, но намъ зла они сдѣлать не могутъ, и не остановятъ ни на минуту теченія исторіи, указаннаго высшимъ промысломъ. Надъ каждымъ царствомъ, надъ каждой республикою, древнею и новою, одинаково поднимается безстрастный топоръ неизмѣннаго приговора. Онъ опускается неожиданно, и Мемфисы, Вавилоны, Селевкіи, Римы язычества пустѣютъ въ развалинахъ. Не все ли намъ равно, ждетъ ли та же участь Парижъ, Лондонъ, Берлинъ, новый Римъ либерализма? Не все ли равно, когда палачъ опуститъ свой топоръ на шею осужденнаго преступника? Не все ли равно, съ какою рукояткою появится этотъ топоръ на небѣ исторіи въ минуту страшнаго удара? Не все ли равно, кто будетъ избранъ сегодня палачемъ, чтобы завтра сложить свою голову на плахѣ? Они всѣ преступники, всѣ осуждены, всѣ погибнутъ. Мы ихъ защищать не должны, потому что они всѣ — члены града діявола. Мы радуемся ихъ паденію, потому что ихъ трупы ложатся въ основаніе будущаго Іерусалима. Очень можетъ быть, даже вѣроятно, что вы на этотъ разъ будете избраны орудіемъ кары. Какъ проконсулы Рима республиканскаго и вольноотпущенники Рима императорскаго истощили народы язычества своимъ хищничествомъ, чтобы бросить ихъ къ подножію алтарей христіанства, такъ заговоръ безсовѣстныхъ капиталистовъ раззоритъ нынѣшніе недоноски монархій и республикъ, чтобы приготовить торжество церкви. Какъ бичъ Божій въ рукахъ Атилъ и Гензериховъ обращалъ во время ѻно города и села въ развалины для того, чтобы выросло сѣмя далекаго будущаго, такъ соціалисты интернаціонала сотрутъ съ лица земли ту блестящую цивилизацію, которая гордится своею научною критикою и политическою свободою. Раззоряйте, разрушайте, рубите, слѣпые исполнители высшей воли; вы сами не знаете, кому и чему вы очищаете пути. Торжествуйте се-

годия; другой палачъ уже поднимаетъ топоръ надъ вашими головами.

„Вы погибнете и должны погибнуть. Вы безсильны и ничтожны, но вы враги истины, враги Бога. Вы вредны, и, какъ вредная трава, должны быть выброшены съ поля исторіи. Подъ чьей рукой вы ни падаете, эта рука, которая васъ поражаетъ, осуществляетъ высшія цѣли. Чѣмъ вы болѣе будете враждовать между собою, истреблять другъ друга, тѣмъ лучше. Если бы кто изъ васъ перехитрилъ и перемогъ всѣхъ своихъ противниковъ, истребилъ ихъ и остался среди ихъ труповъ единственнымъ представителемъ вашихъ дьявольскихъ началъ, то мы призовемъ противъ него милліоны, которые вѣруютъ, но не мыслятъ. Мертвые повелятъ живымъ идти и губить васъ; знаменія наполнятъ лѣса и села, требуя кровавой жертвы раздраженному судіи; чудеса совершатся на зло вашей гордой наукѣ. И народы пойдутъ за нами противъ васъ, пророковъ науки. Мы истребимъ васъ до единаго въ мученіяхъ, которыхъ вамъ не изобрѣла наука, но которыя не превзойдутъ мученій, ожидающихъ васъ въ аду. Вы должны погибнуть, потому что вы безумцы, но вы должны и страдать, потому что вы враги единственной истины и единаго добра. Время прощенія, искупленія, любви къ грѣшникамъ прошло. Вы знаете, что вы творите. Для васъ Богочеловѣкъ не сойдетъ на землю съ благовѣстіемъ спасенія. Невидимая и вездѣсущая Ипостась Духа Святого подыметъ мстителей противъ васъ и воздвигнетъ нашъ будущій Іерусалимъ. Природа свидѣтельствуетъ за насъ о ничтожествѣ вашихъ силъ. Исторія свидѣтельствуетъ за насъ о безуміи вашихъ плановъ. Вѣчная жажда вѣры свидѣтельствуетъ за насъ объ ограниченности вашей эфемерной науки. Провидѣніе ведетъ васъ кровавымъ путемъ къ вашей гибели. Идите. Губите другихъ и другъ друга. Гибните. Мы одни представители высшей истины. Будущее принадлежитъ намъ однимъ.“

Инквизиторъ началъ ироническимъ, дребезжащимъ, довольно тихимъ голосомъ. Подъ конецъ глаза его го-

рѣли, сухія руки какъ бы взывали сонмы невидимыхъ силъ на голову собесѣдниковъ; хриплый голосъ становился все громче, и легкій приступъ кашля послѣдовалъ за послѣдними словами. Слушатели улыбались.

„Мнѣ нечего много сказать вамъ, — заговорилъ Профессоръ своимъ спокойнымъ, холоднымъ голосомъ, — у меня нѣтъ плана будущаго, которое я стремился бы осуществить, и нѣтъ враговъ, которые мнѣ были-бы ненавистны. Я не желаю никому побѣды и никому пораженія, потому-что желать чего-нибудь смѣшно,когда не въ нашей волѣ исполненіе. Я не страдаю ни отъ чьей гибели и не радуюсь ни чьей побѣдѣ, потому что нелѣпо волноваться отъ фактовъ, совершающихся по неизмѣннымъ законамъ причины и слѣдствія. Инквизиторъ меня назвалъ скептикомъ, но это справедливо лишь отчасти. Былъ скептикомъ нашъ общій учитель, для котораго теоретическія и практическія положенія были одинаково недостовѣрны, теоремы науки стояли по неубѣдительности не выше призрачныхъ построеній метафизиковъ или даже мечтательныхъ фантазій религіозныхъ мистиковъ. Я не принадлежу къ скептикамъ этого рода. Для меня все то, что добыто строгимъ научнымъ методомъ, есть безусловная, безспорная истина. Это я з н а ю; въ этомъ я у в ѣ р е н ъ. Но только это и есть истина. Внѣ области точной, объективной науки я не только ничего не знаю, но ничему и не в ѣ р ю, ничего не д о п у с к а ю. Я наблюдаю, сравниваю и дѣлаю скромные выводы относительно небольшихъ группъ фактовъ, не забѣгая ни въ область гипотезъ, ни въ область предсказаній будущаго.

„Я не обманываю себя насчетъ огромныхъ успѣховъ науки въ настоящемъ. Я согласенъ съ Инквизиторомъ, что до сихъ поръ эти успѣхи крайне незначительны, научное пониманіе крайне слабо, и распространеніе самыхъ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній можетъ быть названо микроскопическимъ. Физика и химія весьма недавно пріобрѣли точные методы. Біологія едва вступила въ свой позитивный фазисъ. Что касается до соціологіи, то позитивный методъ, который необходимо въ ней упо-

требить, еще такъ неясенъ для большинства умовъ, даже серьезно занимающихся общественными вопросами, что едва можно кое-гдѣ встрѣтить отдѣльныя личности, которыя не только теоретически, но и практически усвоили себѣ въ этомъ случаѣ надлежащую точку зрѣнія, прямо слѣдующую изъ требованій объективнаго метода.

„Но, признавая недостаточность научныхъ успѣховъ, тѣмъ сильнѣе мнѣ приходится утверждать, что въ наукѣ и только въ наукѣ заключается вся истина, доступная человѣку и даже сама по себѣ существующая; что лишь путемъ науки былъ добытъ и можетъ быть добытъ какой либо успѣхъ въ человѣчествѣ. Слова Инквизитора, направленныя противъ науки, едва заслуживаютъ возраженія, потому что это даже вовсе не аргументы, и все, имъ сказанное, тысячу разъ было опровергнуто; тысячу разъ была доказана несостоятельность и неосновательность всѣхъ этихъ положеній.

„ Что противуполагаетъ онъ наукѣ? Религію? Но какую? Религія вовсе не одна, ихъ нѣсколько; а если считать еще сектаторскія подраздѣленія, то число ихъ станетъ очень велико. И всѣ онѣ опираются на совершенно подобныя мистическія сообщенія съ сверхъестественнымъ міромъ, на совершенно подобныя откровенія,чудеса, священныя книги, магическіе обряды. Почему одна изъ нихъ заслуживаетъ предпочтеніе передъ другими? Почему миѳологія римско-католическихъ легендъ должна быть поставлена выше миѳологіи легендъ буддистскихъ, или миѳологіи краснокожихъ, полинезцевъ? Почему библія кальвинистовъ священнѣе корана? Чѣмъ обрядъ, совершаемый шаманомъ, въ религіозномъ отношеніи ниже обряда, совершаемаго православнымъ попомъ или проповѣдникомъ методистовъ? Чѣмъ откровеніе мормоновъ отличается отъ откровенія христіанскаго? Инквизиторъ вѣритъ въ папскій силлабусъ, негръ вѣритъ въ своего фетиша, Баронъ вѣритъ въ спасеніе человѣчества съ помощью всезнающей полиціи, Бабэфъ вѣритъ въ будущее торжество соціалистическихъ ученій и въ ихъ вѣчную, вѣчную правду, я не вѣрю ровно

ничему, чего не знаю. Каждый изъ насъ имѣетъ совершенно одинаковое право стоять на своей точкѣ зрѣнія, и ни одно изъ этихъ вѣрованій не имѣетъ никакого преимущества передъ другимъ, пока это — вѣрованіе и не болѣе. Именно потому, что вѣрованій такъ много, и что всѣ они, какъ вѣрованія, равноправны, я считаю правильнѣе ничему не вѣрить, если приходится вѣрить и не болѣе. Если-же кто вздумаетъ доказывать истину своего вѣрованія, то онъ тѣмъ самымъ становится на почву логическаго доказательства, на почву науки. которая одна доказываетъ. Тогда онъ подчиняетъ свое вѣрованіе, какъ предположеніе, какъ предметъ изслѣдованія, критикѣ науки, и признаетъ тѣмъ самымъ науку единственнымъ руководителемъ. Можно вѣрить не споря, но кто споритъ, тотъ обязанъ спорить по методамъ науки. Вѣрованіе доказываемое, подвергаемое спору, подрѣзало всю свою религіозную силу.

„Такимъ образомъ я говорю не о вѣрованіяхъ, которыя субъективны и убѣдительны для каждаго особо. Я говорю о научной доказательности возраженій противу науки. Уже въ самой постановкѣ вопроса видна его несообразность. Чтобы спорить противу науки, приходится опираться на нее же. Но оставимъ въ сторонѣ эту несообразность. Что говоритъ противъ науки Инквизиторъ? Онъ употребляетъ противъ нея пріемъ, весьма обычный въ его лагерѣ, но потому не менѣе нелѣпый. Онъ ставитъ наукѣ задачи, отъ которыхъ она отказалась, и потомъ укоряетъ ее въ томъ, что она ихъ не рѣшила. Въ періодъ метафизики хотѣли знать, что такое тяготеніе? что тако свѣтъ? что такое жизнь? Теперь мы знаемъ, что этого знать невозможно, и научное пониманіе ограничивается отысканіемъ законовъ явленій свѣта, опредѣленіемъ точныхъ условій, при которыхъ данное жизненное явленіе происходитъ. Законы явленій, законы связи явленій, если возможно — то всеобщій законъ, связующій всѣ явленія и позволяющій предсказывать будущее во всѣхъ сферахъ науки, какъ астрономы предсказываютъ затмѣнія — вотъ вся область

научнаго пониманія, все царство науки. Въ міръ сущностей она не идетъ, предоставляя его метафизикѣ.

„Ограничивъ и уяснивъ такимъ образомъ свою сферу, наука оказывается не только не безсильною теоретически и практически, но единственнымъ средствомъ знать что-нибудь и установить какой-нибудь раціональный техническій процессъ. Завоеванія науки оказываются незначительными, сравнительно съ областью, которою ей слѣдуетъ овладѣть, но немаловажными, принимая въ соображеніе, какъ немного было сдѣлано безъ ея пособія, и какъ недавно она ясно установила свою задачу. Именно въ ясномъ установленіи своей задачи, заключаются ея важнѣйшія пріобрѣтенія послѣдняго времени. Избавившись отъ призрачныхъ областей знанія, на которыя она такъ безполезно тратила большую часть своихъ силъ, наука обезпечила навсегда свое будущее. Конечно, между наукою и учеными существуетъ еще большая разница. Богословскія и метафизическія привычки увлекаютъ еще людей, посвятившихъ себя, повидимому, научной дѣятельности. Не мало и такихъ, для которыхъ наука есть лишь средство для доставленія себѣ общественнаго положенія, средствъ въ жизни, и въ такомъ случаѣ они перемѣшиваютъ ея изслѣдованія съ соображеніями вовсе посторонними. Но это не мѣшаетъ научному методу быть единственнымъ правильнымъ методомъ мышленія, не мѣшаетъ и тому, что наука и въ ея настоящей, болѣе опредѣленной формѣ, безпрестанно распространяетъ свое вліяніе въ обществѣ, подчиняя себѣ болѣе и болѣе умы. Религія теряетъ болѣе и болѣе почву подъ ногами. То, что смѣло отстаивали еще двадцать лѣтъ тому назадъ, не рѣшаются уже отстаивать въ наше время. И въ простонародьѣ, на которое такъ надѣется почтенный Инквизиторъ, во многихъ мѣстахъ вліяніе научной мысли черезъ свѣтскія школы значительнѣе, можетъ быть, чѣмъ онъ думаетъ. Простонародіе осталось впродолженіи тысячелѣтій нетронутымъ метафизико-религіозными системами высшихъ цивилизацій, и пребываетъ, большею частью, на ступени дикаго

вѣрованія въ амулетъ, въ фетишъ, въ заговоръ, въ колдовство, въ одушевленную природу и въ души мертвецовъ. На этой ступени значительная часть культа не требуетъ посредника между личностью и невидимыми силами, но совершается самимъ міряниномъ. Поэтому простонародіе сторопится отъ духовенства, не связано съ нимъ нравственно и менѣе подчинено его вліянію, чѣмъ можно бы ожидать по степени невѣжества, господствующаго въ деревняхъ. Между тѣмъ тотъ элементарный фетишизмъ и анимизмъ, который мы здѣсь встрѣчаемъ, допускаетъ прямой переходъ къ элементарнымъ позитивнымъ знаніямъ, безъ посредства тѣхъ миѳовъ, которые создали такія крѣпкія культурныя привычки въ высшихъ цивилизаціяхъ, или тѣхъ метафизическихъ міросозерцаній, которыя создали столь же вредныя и, можетъ быть, столь же крѣпкія привычки мысли въ школьной традиціи. Поэтому всюду, гдѣ съ простонародіемъ случайно столкнется мыслящій человѣкъ, онъ встрѣчаетъ для пропаганды науки менѣе препятствій въ невѣжествѣ низшаго класса, чѣмъ въ рутинной культурѣ и въ рутинной мысли высшаго. Популярная научная литература, при всей ея недостаточности и малой цѣлесообразности, тоже дѣлаетъ свое дѣло. Каждый день приноситъ небольшіе, но вѣрные успѣхи въ распространеніи позитивной мысли именно въ массѣ. Но и тамъ, гдѣ она еще не побѣдила, а представляетъ самую уродливую смѣсь съ элементарнымъ фетишизмомъ, рѣдко гдѣ духовенство можетъ считать себя руководителемъ населенія. Если бы оно попробовало лѣтъ черезъ двадцать сдѣлать повсюду тотъ призывъ къ крестовому походу противъ безбожниковъ, которымъ угрожалъ сейчасъ почтенный Инквизиторъ, то я позволю себѣ сильно усумниться въ успѣхѣ, соотвѣтствующемъ его ожиданіямъ. Пожалуй, что весьма и весьма во многихъ мѣстахъ крестьяне не повѣрили бы ни вызваннымъ мертвецамъ, ни знаменіямъ, ни чудесамъ. Не спорю, что-кое гдѣ много весьма спокойныхъ и неопасныхъ людей было бы перебито и изуродовано, но нѣсколько жертвъ еще не

составляютъ побѣды; крестовый походъ противъ еретиковъ и невѣрующихъ можно считать удачнымъ лишь тогда, когда почти всѣ они или большинство ихъ было бы истреблено, а это я считаю совершенно невозможнымъ и теперь, и черезъ болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени.

„Набрасывая планъ этого истребительнаго крестоваго похода, почтенный Инквизиторъ, какъ мнѣ кажется, впалъ въ ту же ошибку, какъ и предшествующіе ораторы, надъ которыми онъ такъ язвительно смѣялся. Онъ вздумалъ направлять исторію, вносить субъективныя цѣли и оцѣнки въ объективное теченіе событій. Это самообольщеніе весьма обычно во всѣхъ лицахъ, непривыкшихъ къ позитивному мышленію, и я не удивляюсь, что встрѣтилъ подобный фактъ въ человѣкѣ, вообще стоящемъ на точкѣ богословскаго построенія. Но какъ историческое предположеніе, гипотеза крестоваго похода противу безбожниковъ имѣетъ такое же право на обсужденіе степени ея вѣроятности, какъ гипотеза всевидящей полиціи Барона, или гипотеза искуственной выработки господствующей расы, предложенная Картежникомъ. Я привелъ основанія, на которыхъ я считаю гипотезу этого крестоваго похода совершенно невѣроятною. Я долженъ сказать то же и о двухъ другихъ.

„Мысль о замѣнѣ шпіоновъ-людей шпіонами-автоматами заслуживаетъ вниманія потому, что до сихъ поръ суммы, употребляемыя правительствами на содержаніе дорого-стоющаго и мало надежнаго института шпіоновъ, вовсе не окупались полученными результатами. Но здѣсь недостатокъ не въ функціонированіи института, а въ самой поставленной цѣли. Государство есть общественная форма, гдѣ власть неизбѣжно притѣснительна, и эта притѣснительность должна неизбѣжно привести къ одному изъ двухъ результатовъ: или къ общественному отупленію, къ привычкѣ подчиняться въ подданныхъ: въ этомъ случаѣ шпіонство вовсе не нужно, такъ какъ стадо барановъ можно пасти безъ подобнаго учрежденія; или къ растущему общественному неудовольствію:

въ этомъ случаѣ никакое шпіонство не охранитъ власть отъ переворота. Вообще наблюденіе объективное указываетъ въ сторону, совершенно противуположную гипотезѣ нашего умирающаго товарища. Функція государства все убываетъ въ исторіи цивилизаціи; другіе соціологическіе элементы, прежде ему подчиненные, все болѣе освобождаются изъ подъ легальной формалистики и все сильнѣе вліяютъ на самый государственный строй. Поэтому вѣроятность для будущаго лежитъ въ ослабленіи политическаго, государственнаго элемента общежитія, а не въ усиленіи его. Какъ я уже имѣлъ случай сказать: государственность составляетъ въ обществѣ элементъ вымирающій. Конечно, предыдущая исторія заставляетъ меня сильно сомнѣваться въ разрушеніи государственности путемъ революцій. Опытъ прошедшаго говоритъ, что всѣ революціи были до сихъ поръ революціи политическія. Надо думать, что они такими и останутся. Всѣ онѣ перемѣщали власть и болѣе ничего. Вѣроятно, оно такъ будетъ и впередъ. Но функція принудительной власти будетъ постепенно уменьшаться, незамѣтно вымирать, пока не вымретъ совсѣмъ въ историческомъ процессѣ развитія человѣчества.

„Столь же мало можно допустить вѣроятность для плана Картежника искуственно развить въ человѣчествѣ двѣ расы: господствующую расу меньшинства, монополизировавшую всѣ человѣческія силы, и порабощенную, обращенную въ рабочій скотъ расу пролетаріата. И въ зоотехніи очень трудно выработать новую расу; въ человѣчествѣ же до сихъ поръ насильственно не было получено ни одного прочнаго антропологическаго результата. Пока не указаны и не взвѣшены въ подробности тѣ техническіе пріемы, которые намѣрены употребить господа капиталисты для выработки себѣ человѣческаго рабочаго скота, до тѣхъ поръ должно считать подобный проэктъ, если и возможнымъ, то совершенно фантастическимъ въ техническомъ отношеніи.

„Разсмотрѣнныя мною гипотезы Инквизитора, Барона и Картежника допускаютъ объективную критику, такъ

какъ здѣсь дѣло идетъ о реальныхъ фактахъ, имѣющихъ реальныя аналогіи. Мы имѣли крестовые походы противъ иновѣрцевъ и еретиковъ. Полиція и шпіонство суть институты, безспорно существующіе. Новыя расы лошадей, быковъ, барановъ, собакъ были получены человѣкомъ. Но совсѣмъ иное отношеніе объективнаго метода къ гипотезѣ Бабэфа. Позитивная наука знаетъ лишь одну истину — свою собственную, одно царство истины — себя. Для основанія этого царства не нужно ни борьбы, ни революціи; нужна только спокойная, холодная мысль, равнодушная ко всему внѣ своего теоретическаго стремленія къ безстрастной истинѣ. Понятіе же справедливости относится къ области нереальнаго, субъективнаго, несуществующаго, а слѣдовательно, и о вѣроятности основанія въ будущемъ царства несуществующаго, позитивная наука вовсе говорить не можетъ. Объективная соціологія знаетъ общественныя формы и ихъ смѣну по необходимому генезису явленій, но для нея всѣ общественныя формы одинаково индиферентны и одинаково необходимы, когда онѣ проявились. Истиной она обладаетъ. Справедливости она вовсе не знаетъ внѣ субъективной иллюзіи.

„Эту единственно-научную точку зрѣнія на общественныя и историческія явленія не могли развить въ себѣ предшествовавшіе мнѣ ораторы по недостаточной привычкѣ къ строгому позитивному мышленію. Каждый изъ нихъ, подъ вліяніемъ личнаго настроенія, выростилъ особенный иллюзіонный идеалъ чего-нибудь нравственно-лучшаго, религіозно-обязательнаго. Каждый изъ нихъ вѣритъ, что есть въ общественной жизни явленія желательныя, формы высшія. Каждый страдаетъ иллюзіею, что человѣкъ можетъ содѣйствовать осуществленію въ исторической жизни желательнаго, соціологически-высшаго; что онъ можетъ направить исторію въ ту или другую сторону. Это діаметрально противоположно всѣмъ даннымъ науки. Ни одинъ точный анализъ не открылъ нигдѣ пальца провидѣнія, двигающаго міры, испаряющаго воду, расплавляющаго металы; нѣтъ пово-

да и въ исторіи предполагать какое-либо ни для чего не нужное провидѣніе, двигающее народы. Для исторіи, какъ для природы, достаточно неизмѣнныхъ законовъ, необходимо дѣйствующихъ. Но какъ нигдѣ въ природѣ и въ исторіи не оказалось провидѣнія, такъ не оказалось нигдѣ и дѣйствія свободной человѣческой воли, независимаго вліянія человѣка на событія. Исторія не подчиняется никакимъ вѣрованіямъ, а подчиняетъ ихъ себѣ. Въ ней можетъ совершиться и то и другое, но мы совершить въ ней и то и другое не можемъ. Мы обречены въ ней на роль безсознательныхъ орудій, или мыслящихъ, но постороннихъ наблюдателей. Въ обоихъ случаяхъ ея потокъ уноситъ насъ независимо отъ нашей воли, отъ нашихъ симпатій, отъ нашего сознанія, отъ нашей дѣятельности. Если мы предаемся субъективному самообольщенію религіозныхъ или, такъ называемыхъ, нравственныхъ побужденій, то мы не въ состояніи узнать даже и того, что одно доступно нашему познанію при этихъ обстоятельствахъ, именно не въ состояніи узнать даже причинной связи событій, насъ уносящихъ, закона теченія исторіи. Если-же мы, помощью строгой критики мысли, удержимся отъ самообольщенія и останемся равнодушными наблюдателями событій, то мы пріобрѣтаемъ знаніе общественной динамики, пониманіе исторіи. Такъ-какъ это — единственное пріобрѣтеніе для насъ возможное, то намъ и слѣдуетъ къ нему стремиться.

„Будемъ же развивать въ себѣ строгія привычки позитивной мысли, въ основѣ которой лежитъ сознаніе, что все въ природѣ и въ исторіи безусловно необходимо и только необходимо. Ничего нѣтъ въ общественной жизни, какъ въ мертвомъ мірѣ, ни лучшаго, ни худшаго, ни желательнаго, ни возмутительнаго. Факты общественной жизни должны быть наблюдаемы съ тѣмъ-же индифферентизмомъ, какъ явленія химическаго сродства. Мы не должны въ нихъ вносить ни нашихъ желаній, ни нашихъ привычекъ, ни нашихъ симпатій, если хотимъ оставаться на почвѣ науки. Всѣ общественныя формы должны быть для насъ столь-же

индифферентны, какъ различныя химическія комбинаціи элементарныхъ тѣлъ. Всѣ событія исторіи должны столь же мало возмущать и радовать ученаго, какъ различные фазисы развитія яйца цыпленка. Мы можемъ описывать существующее, слѣдить за процессомъ его подготовленія въ прошломъ, классифицировать факты и отыскивать ихъ ближайшіе законы; но вотъ и все. Мы должны тщательно избѣгать всего, что можетъ повліять на точность нашего наблюденія и умозаключенія, а потому должны воздерживаться отъ всякаго участія въ борьбѣ партій, участія не только реальнаго, но и умственнаго. Весь пестрый калейдоскопъ симпатій и антипатій, желаній, надеждъ, стремленій, комбинированной дѣятельности для объективнаго мыслителя есть не болѣе, какъ призрачная субъективная оболочка настоящаго процесса, совершающагося по неизмѣннымъ законамъ связи фактовъ и послѣдовательности явленій, внѣ всякаго аффекта и произвола. Это — единственная сущность всего познаваемаго и сознаваемаго, на ней единственно и стоитъ останавливать мысль. Послѣдовательный ученый долженъ быть индифферентистомъ въ жизни частной и общественной. Все существующее для него необходимо и потому оправдано. Нравственный судъ, какъ судъ эстетическій, для него — заблужденіе. Ученый знаетъ, что фактъ существуетъ, что онъ характеризуется такими-то признаками, что онъ произошелъ такимъ-то путемъ, что его слѣдствія могутъ быть таковыми-то. Этого знанія достаточно ученому. Онъ стоитъ среди волненій общества, какъ посторонній наблюдатель. Онъ слѣдитъ за ходомъ исторіи, не мечтая измѣнять или направлять ея теченіе. Не все-ли равно химику, какимъ цвѣтомъ окрашенъ изслѣдуемый имъ составъ, или астроному, какому пути слѣдуетъ солнечная система, въ которой онъ занимаетъ микроскопическое мѣсто. Ихъ дѣло опредѣлить всѣ обстоятельства горѣнія, отмѣтить орбиту въ ея особенностяхъ, но на этомъ и остановиться.

„Позитивныя привычки мысли уже господствуютъ во всѣхъ простѣйшихъ наукахъ и мало по малу прокла-

дываютъ себѣ путь къ сложнѣйшимъ. Рано или поздно они сдѣлаются столь же обычными въ общественной динамикѣ, какъ теперь въ математикѣ, астрономіи, физикѣ или химіи. Тогда большинство людей не будетъ мечтать о возможности построить будущую исторію по своему плану, какъ дѣлалъ поочередно каждый изъ предшествующихъ ораторовъ; не будетъ обольщаться мыслью, что можно насильственно обратить большинство людей въ расу рабочаго скота, или создать небывалое царство отвлеченныхъ формулъ, или поднять крестовый походъ противъ научныхъ привычекъ мысли. Тогда большинство людей разувѣрится въ возможности нравственныхъ идеаловъ добра, общей пользы, справедливости: не будетъ волноваться религіозными, политическими или соціальными страстями; не будетъ дѣлиться на консерваторовъ и прогрессистовъ, на монархистовъ и республиканцевъ, на централизаторовъ и децентрализаторовъ, на государственниковъ и отрицателей государства, на экономистовъ и соціалистовъ. Всѣ эти партіи вымрутъ со всѣми безполезными стремленіями къ какой либо исторической цѣли, со всѣми горячими симпатіями и антипатіями къ какому бы то ни было общественному идеалу. Спокойное наблюденіе и безстрастное отыскиваніе закона событій, независимо отъ всякаго идеала, отъ всякой воли — такова будетъ тогда привычка мысли въ большинствѣ. Тогда наука завладѣетъ вполнѣ послѣднею сферою человѣческой мысли, общественною динамикою или исторіею. Наука охватитъ весь рядъ явленій, намъ доступныхъ, начиная отвлеченнымъ математическимъ мышленіемъ и кончая процессомъ исторіи. Безстрастіе, нужное ученому, будетъ царствовать всюду. Субъективное самообольщеніе атрофируется. Человѣчество, давно отрекшись отъ догмата, отречется отъ метафизики въ теоріи и въ жизни, т. е. отъ абстрактныхъ объектированныхъ формулъ, отъ связующихъ гипотезъ, отъ увлекательныхъ идеаловъ нравственности, отъ цѣлей личной и общественной жизни. Сознавъ законы необходимости въ общественномъ строѣ и въ теченіи об-

щественныхъ событій, люди будутъ подчиняться этимъ законамъ въ экономическихъ сношеніяхъ, въ политическихъ формахъ, безъ борьбы и безъ ропота, какъ теперь подчиняются законамъ тяготѣнія, питанія, смерти. Миръ будетъ между ними, потому что борьба не будетъ имѣть ни основанія, ни цѣли. Наука принесетъ этотъ миръ человѣчеству, надписывая надъ каждымъ фактомъ частной и общественной жизни: необходимость. Медленно, но вѣрно подвигаясь къ своей цѣли, она наконецъ достигнетъ ея, войдя не только въ методъ исключительнаго мышленія, но и въ привычки обыденной жизни. Что она завоевала, того она никогда не уступила и не уступитъ. Мѣнялись религіи, и споры о ихъ догматахъ не прекращались никогда. Мѣнялись нравственные идеалы и жизненныя цѣли, точно также возбуждая вѣчные споры. Научное положеніе, однажды понятое, не допускало споровъ и не допуститъ. Поэтому успѣхи науки прочны. Рано или поздно, она навѣрно достигнетъ своей цѣли и овладѣетъ всѣмъ человѣчествомъ. Поэтому позитивной наукѣ, и ей одной, принадлежитъ будущее.“

Собесѣдники встали и заговорили всѣ вмѣстѣ.

„Намъ не нужно такой науки! — кричалъ Бабэфъ— мы презираемъ ее, мы отвергаемъ ее. Если наука способна только привести къ тупому индифферентизму, то пусть погибаетъ она со всѣми остальными преданіями гніющаго стараго міра! Это — будущность насѣкомыхъ, а не людей. Въ новомъ обществѣ наука не будетъ и не можетъ быть идіотическимъ примиреніемъ съ существующимъ; она должна быть и будетъ орудіемъ для осуществленія лучшаго!“

„Великолѣпное будущее! Картина достойная самаго послѣдовательнаго представителя многопрославленной науки, — хрипѣлъ Инквизиторъ. — Міръ маріонетокъ, сознавшихъ, что они маріонетки въ мудреной игрушкѣ, которою никто не играетъ! Безсмысленная и безконечная агонія существъ, не имѣющихъ ни малѣйшей надежды жить и не имѣющихъ возможности даже удавиться!“

„Если мы фантазируемъ — говорилъ съ довольно спокойною улыбкою Картежникъ — то вы фантазируете во сто разъ болѣе. Создавать планы дѣятельности, страстно стремиться къ нимъ, страстно и неумолимо ненавидѣть противниковъ этихъ плановъ и наслаждаться борьбою съ ними — это на столько въ природѣ человѣка, что человѣкъ, отвыкнувшій отъ этой привычки, будетъ принадлежать совершенно иному животному типу, что будетъ чуть ли не потруднѣе, чѣмъ произвести въ существующемъ типѣ нѣкоторыя небольшія измѣненія.„

„Гдѣ же мы соберемся въ слѣдующій разъ ? — проговорилъ равнодушно Профессоръ, вовсе не слушая своихъ оппонентовъ. — Очередь Бабэфа назначить.“

Въ это время къ разговаривающимъ подошелъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти. Онъ былъ высокаго роста; густые бѣлокурые волосы падали въ безпорядкѣ изъ подъ мягкой поношенной шляпы около его красиваго лица. Сквозь стальные очки смотрѣли живые сѣрые глаза, полные мысли и энергіи. Платье его было сильно поношено и, очевидно, онъ на свою одежду не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Сложенъ онъ былъ атлетомъ. Вошелъ онъ въ таверну, очевидно, случайно, вскорѣ послѣ начала засѣданія „послѣдовательныхъ“, спросилъ себѣ кружку пива и кусокъ холодной баранины, что, по необычности времени, удивило прислугу таверны; съѣлъ и баранину, и хлѣбъ до послѣдней крошки и съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ рѣчи говорившихъ. Глаза его то вспыхивали, то снова потухали. Онъ дѣлалъ усиліе надъ собой, чтобы не вмѣшаться въ разговоръ. Теперь же рѣшительно подошелъ къ присутствующимъ и сталъ говорить на ломанномъ англійскомъ языкѣ, вставляя въ рѣчь нѣмецкія и французскія слова, когда не вспоминалъ сейчасъ англійскихъ, хотя и на всѣхъ этихъ языкахъ говорилъ неправильно и выговаривалъ ихъ очень дурно. Подозрительно и строго направилъ на молодого человѣка Профессоръ свой холодный взглядъ. Презрительно осмотрѣлъ Картежникъ съ ногъ до головы его далеко несвѣжій костюмъ. Злобно взгля-

нулъ на него Инквизиторъ, чуя врага. Одинъ Бабэфъ съ первыхъ же словъ почувствовалъ симпатію къ открытому взгляду, къ смѣлой и искренней рѣчи говорившаго — и широкая улыбка выказала оба ряда бѣлыхъ зубовъ провансальца.

„Вы меня извините, что я вмѣшиваюсь непрошенный — говорилъ молодой человѣкъ. — Но вопросы, которые вы подняли, такъ серьезны и такъ давно меня занимаютъ, а въ вашихъ рѣчахъ я нашелъ столько вызывающаго на замѣчанія, что не могу не высказать вамъ того, что приходитъ на мысль. Я для всѣхъ васъ иностранецъ, не могъ участвовать ни въ одной борьбѣ вашихъ партій, и потому, можетъ быть, могу отнестись къ вопросамъ, васъ раздѣляющимъ, столь же сочувственно, но не такъ страстно. На моей родинѣ существуютъ тѣ же вопросы, но они поставлены иначе. Государственное начало давитъ насъ въ самой грубой его формѣ прямого беззавѣтнаго произвола власти. Клерикализмъ у насъ силенъ никогда не былъ, и наши попы, слѣдуя рабской традиціи Византіи, съумѣли въ тысячу лѣтъ сдѣлаться лишь предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія для народа, который, въ своей горькой долѣ, никогда не встрѣтилъ въ нихъ ни помощи, ни утѣшенія, ни заступничества. Наша соціальная революція должна выйти не изъ городовъ, а изъ селъ. Наша буржуазія поземельныхъ собственниковъ, торговцевъ и промышленниковъ не имѣетъ политической традиціи, не сплочена въ своей эксплуатаціи народа, сама страждетъ отъ притѣсненія администраціи и не развила изъ себя исторической силы. Изъ ея рядовъ и изъ рядовъ нашего измученнаго, раззореннаго народа вырабатывается наша передовая молодежь, которая не знаетъ сословныхъ различій, провозглашаетъ себя защитницею народнаго дѣла, его пособницею въ стремленіи жить по человѣчески, и болѣе полувѣка посылаетъ изъ своей среды одно поколѣніе за другимъ въ тюрьмы, въ изгнаніе, въ ссылку, на каторгу, на висѣлицу для того, чтобы открыть своей родинѣ лучшее будущее. Мы надѣемся, что союзъ этихъ

лучшихъ силъ нашей интеллигенціи съ естественными стремленіями нашего народа дастъ нашей родинѣ это будущее. Для насъ многія ваши заботы уже не существуютъ. Вопросъ церковный, клерикальный занимаетъ у насъ лишь тѣхъ, которые чужды всякаго вліянія на общественную мысль, живутъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ общественнаго движенія. У насъ уже нѣтъ и слѣда тѣхъ художниковъ чистой формы, которые еще недавно какъ будто считались еще въ числѣ вашихъ силъ. Безсодержательное искусство для насъ не существуетъ; наши поэты становятся въ ряды партіи движенія или партіи реакціи, но общее презрѣніе поразило бы между нами того художника, который сталъ бы въ настоящее время играть искусствомъ въ защиту всѣхъ политическихъ девизовъ, а не поставилъ бы слово, кисть, рѣзецъ орудіемъ борьбы за опредѣленное міровоззрѣніе. Поэтому я не стану даже говорить о точкѣ зрѣнія вашего умершаго товарища-художника или того изъ васъ, котораго вы называли Инквизиторомъ. Вмѣстѣ съ большинствомъ моихъ соотечественниковъ, участвующихъ въ современномъ движеніи, я даже не понимаю, какъ можно придавать какое нибудь значеніе формѣ безъ содержанія, какъ бы она красива ни была, или какъ можно считать въ числѣ живыхъ борящихся силъ нашего времени религіозные вопросы. Можетъ быть, оно у васъ иначе, но для насъ это все покончено и сдано въ архивъ.

„Другое дѣло трудъ, наука, капиталъ, государственный строй. Съ ними надо считаться, какъ съ живыми, реальными элементами, прогрессивными или враждебными прогрессу, растущими или слабѣющими по своему значенію, но во всякомъ случаѣ силами насущными. Поэтому за вашею борьбою капитала съ трудомъ, за успѣхами вашихъ научныхъ завоеваній мы слѣдимъ старательно, и мнѣ знакомы всѣ главные труды того, котораго вы называете между собою Профессоромъ, и котораго я узналъ по портрету; мнѣ знакома такимъ же образомъ и дѣятельность въ пользу европейскаго пролетаріата того изъ васъ, который ею оправдалъ про-

звище Бабэфа, данное ему учителемъ. Если я не могу такимъ же образомъ назвать третьяго вашего товарища, то тѣмъ не менѣе, рѣчи его единомышленниковъ въ парламентахъ Европы, ихъ многочисленные экономическіе и политическіе труды составляли для меня предметъ весьма тщательнаго изученія. Отношеніе нашей передовой партіи къ государственному вопросу нѣсколько иное, чѣмъ у васъ. Съ одной стороны, у васъ государственный строй настолько подчиненъ вопросамъ экономическимъ и вообще вліянію неполитическихъ общественныхъ задачъ, что вы считаете его вмѣшательство въ современную исторію дѣломъ болѣе второстепеннымъ, чѣмъ это возможно для насъ, для которыхъ разрушеніе настоящаго, давящаго насъ политическаго механизма, есть неизбѣжное условіе возможности дышать и жить по человѣчески; съ другой стороны, эта самая возможность вліять на существующій государственный строй и направлять его организацію въ свою пользу, позволяетъ вамъ не такъ враждебно относиться къ самой сущности государственной организаціи и дружелюбнѣе смотрѣть на орудіе, которое вамъ, пожалуй, можетъ пригодиться. Нашъ государственный порядокъ не допускаетъ никакого человѣческаго развитія въ обществѣ; онъ отупляетъ и только отупляетъ нашу интеллигенцію; раззоряетъ и только раззоряетъ нашъ народъ. Его исторія — исторія послѣдовательнаго экономическаго истощенія, умственнаго униженія, нравственнаго развращенія нашей родины. Все, что дѣлалось у насъ прогрессивнаго, дѣлалось *противъ него*; все, что выходило *отъ него*, оказывалось ядомъ для общества. Поэтому нашъ государственный строй — врагъ всякому мыслящему человѣку на моей родинѣ; имъ воспользоваться, для чегобы то ни было, не можетъ думать ни одинъ добросовѣстный дѣятель изъ моихъ соотечественниковъ; его радикальное разрушеніе есть потребность, очевидная для всѣхъ оттѣнковъ. Борьба съ нимъ есть самый насущный вопросъ для насъ, борьба не противъ лицъ, борьба не въ смыслѣ исправле-

нія, частной передѣлки, но борьба въ смыслѣ окончательнаго искорененія всѣхъ его основъ. Но именно потому въ насъ, представителяхъ радикальной мысли на моей родинѣ, вкоренилось глубокое убѣжденіе, что в с я к а я политическая власть вредна въ своей сущности, что нельзя и не должно ждать постепеннаго ослабленія и вымиранія политическаго элемента, но слѣдуетъ разомъ, путемъ самой радикальной соціальной революціи, не только разрушить существующій порядокъ, но и устранить всякую форму возстановленія государственной принудительной власти.

„Такимъ образомъ вопросы политическіе сводятся для насъ на одно: разрушеніе и настоящаго порядка вещей, и всякой формы принудительнаго правительства. Остаются вопросы научные въ теоріи и вопросы общественные на практикѣ. Здѣсь мнѣ приходится, во первыхъ, признать, что высказанныя вами мнѣнія только частью противорѣчатъ одно другому; въ нѣкоторыхъ же отношеніяхъ противурѣчія не только согласимы, но и неизбѣжно приводятъ къ одному общему результату. Конечно, между религіей и наукой мира быть не можетъ и не должно; не можетъ и не должно его быть между монополіей капитала и всеобщей кооперацією труда; но между задачами научной мысли и жизненнаго убѣжденія противурѣчіе мнѣ кажется совершенно фиктивнымъ, когда на дѣлѣ существуетъ самое полное согласіе. Одно служитъ дополненіемъ и развитіемъ другому. Во вторыхъ же, я не могу вовсе согласиться съ точкою зрѣнія, на которую поочередно сталъ каждый изъ васъ.

„Начну съ того противуположенія, въ которомъ, по мнѣнію господина Профессора, находятся научныя условія необходимаго съ практическими идеалами желательнаго, лучшаго, а еще болѣе со страстною дѣятельностью для воплощенія этого лучшаго въ жизнь, въ общественный строй. Вы, господа, выработали въ себѣ стремленіе къ послѣдовательности; къ ней я и обращаюсь и прошу васъ одного: будьте послѣдовательны. Вы говорите, что царство науки — законы явленій и ихъ свя-

зи. Прекрасно. Значитъ, каждое явленіе должно быть изслѣдовано всесторонне въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ оно происходитъ, со всѣми тѣми элементами, которые въ него входятъ, и настоящее научное пониманіе законовъ явленія предполагаетъ оцѣнку всѣхъ ихъ элементовъ такъ, какъ они представляются критической мысли. Такимъ образомъ оптика охватываетъ не только объективное понятіе колебаній свѣтовыхъ волнъ, но и субъективное представленіе цвѣтовъ и яркости свѣта. Біологія разсматриваетъ субъективныя ощущенія, какъ данныя, и вся физіологія нервовъ есть изслѣдованіе явленій субъективныхъ въ ихъ связи съ объективными. Пусть жизнь есть не иное что, какъ особая совокупность механическихъ и химическихъ процессовъ; пусть организмъ есть лишь частный случай механической системы. Біологія беретъ его, какъ данное въ его особенности и составляетъ особую науку о жизненныхъ явленіяхъ и о живыхъ существахъ, вовсе не обращая вниманія на то, иллюзія или не иллюзія та комбинированная дѣятельность, тѣ субъективные элементы, которые всѣ вмѣстѣ обособляютъ жизненный процессъ.

„Вотъ вы въ области соціологіи. Вы имѣете передъ собою явленіе общественной жизни, имѣете новыя формы предметовъ для изученія, именно формы общества. Что требуетъ отъ васъ наука? Прежде всего установить, изъ какихъ элементовъ состоятъ эти новые предметы, какія элементарныя силы сближаютъ эти элементы въ соединенія. Вы сознаете, что общество состоитъ изъ личностей; что ихъ сближаютъ между собою въ общежитія ихъ потребности; что эти потребности, безсознательныя и сознательныя, естественныя и искусственныя, иногда фиктивныя, иногда болѣзненныя, но чаще лишь частью извращенныя, вызываютъ всѣ общественныя явленія въ ихъ разнообразныхъ процессахъ, всѣ общественныя формы въ ихъ генезисѣ. Не совершенно ли научно, при подобной постановкѣ вопроса, свести изслѣдованіе общественныхъ явленій на изученіе способовъ удовлетворенія потребностей личности помощью обще-

житія? Не совершенно ли необходимо обратить вниманіе на самыя потребности, отличая потребности искусственныя отъ естественныхъ, потребности, привитыя привычками отъ лежащихъ въ самой природѣ личности? Не совершенно ли неизбѣжно поставить вопросъ: какова должна быть комбинація общественныхъ формъ, при которыхъ всѣ естественныя и здоровыя потребности личности удовлетворяются самымъ полнымъ и совершеннымъ образомъ? Не слѣдуетъ ли изъ этого ряда другихъ, уже техническихъ, вопросовъ: какъ долженъ быть измѣненъ современный общественный строй, для того, чтобы осуществить это общежитіе, соотвѣтствующее естественнымъ и здоровымъ потребностямъ человѣка? Какія мѣры должны быть приняты, чтобы совершить это измѣненіе съ наименьшею тратой силъ и времени? Какую роль можетъ при этомъ играть личность, рѣшившая для себя эти вопросы? Какіе пріемы употреблять личностямъ, которыя колеблются еще въ своихъ рѣшеніяхъ? Какъ дѣйствовать обществу или части общества для того, чтобы общежитіе, которое оно признало менѣе соотвѣтствующимъ естественнымъ и здоровымъ потребностямъ личности, замѣнилось общежитіемъ болѣе сообразнымъ съ этими потребностями?

„Если точно общежитіе есть способъ удовлетворенія потребностей человѣка, то всѣ эти задачи теоретическія и практическія вполнѣ научны. Вопросъ только въ томъ: можно ли рѣшить ихъ, и какимъ образомъ? Допустите на минуту, что это возможно. Какъ же, по вашему, общежитіе, удовлетворяющее потребностямъ личности, не будетъ желательно? Или, рѣшивъ вопросъ въ теоріи, вы должны все таки оставаться индифферентны къ осуществленію этого общежитія? вы не должны думать днемъ и ночью: да какъ же мнѣ дѣйствовать для этой цѣли? да какъ бы другихъ толкнуть на это? да какъ же, когда же это осуществится?

„Если вы думаете, что можно научно остановиться на подобной точкѣ зрѣнія, то вы забыли исторію науки. Какъ только геометру, физику, химику представилась

возможность рѣшить трудную задачу, она становится для него не только желаніемъ, но мучительною страстью, неотстраннмою мыслью, почти помѣшательствомъ. Развѣ не желательна, не страстно любима была для Ньютона идея о тяготѣніи, когда онъ „все думалъ“ о ней, когда онъ отъ душевнаго волненія не могъ рѣшиться провѣрить полученные результаты вычисленій, такъ страстно онъ желалъ получить именно подобные результаты. Развѣ не жертвовали всѣми благами жизни, самою жизнью, развѣ не сходили съ ума ученые, встрѣчаясь съ задачею, которая имъ казалась разрѣшимою, но ускользала отъ ихъ усилій рѣшить ее? Припомните алхимиковъ, припомните отыскивателей квадратуры круга. Но припомните и Бернара Палиссн, который голодалъ и нищенствовалъ, жегъ свою мебель, полъ комнаты, чтобы рѣшить техническую задачу, которую наконецъ и рѣшилъ. Припомните Колумба, столько разъ прогнаннаго, осмѣяннаго, и который наконецъ открылъ Америку.

„Я готовъ повторить ваши слова: соціологъ долженъ относиться къ задачѣ соціологіи, какъ механикъ, химикъ, біологъ относятся къ с в о и м ъ задачамъ; но прибавлю: какъ и с т и н н ы й ученый механикъ, химикъ и біологъ къ нимъ относятся. Иначе говоря: онъ долженъ страстно любить истину и употребить самые строгіе, самые точные методы, чтобы открыть ее; когда же онъ открылъ соціологическую истину, онъ долженъ, подобно истинному механику и химику, изслѣдовать самымъ точнымъ образомъ всѣ практическіе ея выводы, т. е. на какія явленія она указываетъ, какъ на здоровыя, и на какія, какъ на болѣзненныя; какія формы общежитія, вслѣдствіе этой истины, законны, и какія вредны. Когда онъ усвоилъ теоретически и практически пониманіе истины, онъ долженъ стремиться осуществить здоровыя общественныя явленія, законныя общественныя формы на практикѣ съ такою же страстью, съ такимъ же самоотверженіемъ, съ какимъ истинный механикъ стремится осуществить машину, планъ которой готовъ въ его головѣ; съ какимъ истинный химикъ ищетъ

средствъ произвести сложный опытъ, для котораго у него нѣтъ лабораторіи; онъ долженъ бороться съ общественнымъ зломъ, долженъ подрывать вредныя общественныя формы съ такой же рѣшимостью, съ какою біологъ борется съ излѣчимою болѣзнью, или бросаетъ въ огонь даже самое дорогое платье, если оно можетъ распространить заразу. Безъ страстной любви къ истинѣ, безъ страстнаго, болѣзненнаго стремленія воплотить въ дѣло планъ машины, опыта, печи, зданія, теоретически признаный вѣрнымъ, не существовало бы тѣхъ великихъ завоеваній въ наукѣ, тѣхъ великихъ созданій техники, которыя составляютъ лучшіе продукты человѣческаго ума въ прошедшемъ. Будьте же послѣдовательны, повторяю я вамъ: требуйте такой же страсти къ истинѣ въ соціологіи; требуйте такого же беззавѣтнаго стремленія воплотить добытую истину въ дѣло, въ техническую общественную постройку. Опытъ и размышленіе на твердомъ основаніи правильно поставленныхъ вопросовъ, вотъ все, что нужно для развитія всякой науки; вотъ все, что нужно и для развитія соціологіи. Вы не требуете индефферентизма къ истинѣ отъ математика, отъ физика; не требуйте его и отъ соціолога. Требуйте, напротивъ, любви къ истинѣ и страстной борьбы противъ лжи, противъ иллюзій.

„Но вы тутъ меня останавливаете. Вы видите въ человѣкѣ потребности физіологическія и признаете законность гігіены, указывающей, какъ удовлетворить имъ. Но вы считаете иллюзіями потребности нравственныя; вы отвергаете самое понятіе о лучшемъ обществѣ, о справедливѣйшемъ общежитіи, какъ иллюзію. Именно во имя борьбы съ иллюзіями, вы требуете, чтобы эти понятія были признаны ненаучными, чтобы человѣкъ не терялъ времени на осуществленіе того, что не существуетъ.

„Я готовъ согласиться съ вами, если вы вмѣстѣ съ тѣмъ признаете иллюзіей и всякую научную истину, и всю вашу науку, и всѣ основныя положенія математики и физики, и обязательность логическаго мышленія, чтобы

достичь до истины. Если нравственная потребность имѣть убѣжденіе и осуществлять его въ жизни есть иллюзія, то почему же не иллюзія логическая потребность признать очевидную истину? почему не иллюзія потребность употребить опредѣленный ходъ доказательства, чтобы получить изъ простѣйшихъ истинъ сложнѣйшія? почему не иллюзія то, что мы считаемъ доказательствомъ? Почему не усумниться въ объективномъ мірѣ, въ свидѣтельствѣ нашихъ чувствъ, въ ассоціаціяхъ ощущеній, убѣждающихъ насъ въ существованіи предметовъ, въ ассоціаціи представленій, убѣждающихъ насъ въ существованіи послѣдовательности явленій, въ ассоціаціи понятій, группирующихся въ законы реальныхъ процессовъ?

„Одна и та же форма существуетъ для двухъ высшихъ потребностей человѣка, для потребности познанія истины путемъ логическимъ и только логическимъ, для потребности дѣятельности во имя нравственнаго убѣжденія, и только во имя нравственнаго убѣжденія. Ни то ни другое не врождено человѣку. Долго руководились случайнымъ мнѣніемъ, неосновательнымъ предположеніемъ, привычкою и вѣрованіемъ наравнѣ съ логическою мыслью для составленія совокупности того, что считалось истиною. Но, наконецъ, мало по малу, изслѣдователи выработали точные, строгіе методы открытія истины въ наукахъ болѣе общихъ, болѣе простыхъ; потомъ перешли къ болѣе сложнымъ. И когда однажды убѣдились, что истину въ математикѣ, въ химіи можно открыть только такими-то логическими пріемами, научная критика, научные методы установились, и всѣ прежніе способы угадыванія, предположенія, вѣрованія исчезли. Совершилось логическое, научное воспитаніе мысли, сперва у спеціалистовъ, потомъ въ школахъ учащихся, и начинаетъ мало по малу проникать въ общественныя привычки. И воспитаніе нравственное совершилось еще лишь въ меньшинствѣ. Большинство человѣчества дѣйствовало и дѣйствуетъ преимущественно по минутному влеченію, по усвоенной привычкѣ, по указанію руково-

дителя. Съ умственнымъ развитіемъ начинаетъ преобладать дѣятельность по разсчету личной пользы. Съ аффективнымъ развитіемъ польза немногихъ другихъ личностей становится въ уровень съ нашею и заслоняетъ ее. Немногіе, болѣе развитые, дорабатываются до понятія объ общей пользѣ. Это уже одна изъ формъ высшаго нравственнаго развитія, обязательной дѣятельности во имя убѣжденія. Если немногіе воспитали въ себѣ способность дѣйствовать по убѣжденію, то все таки этотъ способъ дѣятельности можетъ быть единственно вѣрнымъ, какъ научная критика была единственнымъ способомъ правильнаго мышленія и тогда, когда она составляла достояніе нѣсколькихъ единичныхъ личностей въ весьма ограниченной области мысли.

Вы, ученый Профессоръ, стоите на той же точкѣ зрѣнія относительно нравственныхъ потребностей, на которой стоялъ бы человѣкъ прежняго времени, которому хотѣли бы доказать физическіе и химическіе законы вещества, когда онъ не развилъ въ себѣ потребности критически мыслить. Онъ слушалъ бы съ насмѣшкою ваши доказательства, какъ иллюзію, потому что онъ не развилъ въ себѣ потребности доказательности, потребности истины. Для него привычное представленіе бога, посылающаго тепло и холодъ, солнце и дождь, здоровье и болѣзнь, не смотря на всѣ логическія несообразности этого представленія, было бы доступнѣе, пріятнѣе, мыслимѣе, чѣмъ ваши логическіе выводы. Онъ сказалъ бы: ученый мелетъ вздоръ, какъ вы говорите теперь: нравственная потребность — иллюзія, убѣжденіе — призракъ. Вы сами не замѣчаете, что лишь во имя этого призрачнаго убѣжденія вы выдерживаете борьбу съ клерикалами, защищая и проповѣдуя тотъ позитивизмъ, который вы считаете истиною; что самое признаніе его истиною, самая внутренняя потребность искать истину и признать ее есть ваше убѣжденіе, ваша нравственная потребность. Если бы вамъ удалось открыть, что разные виды помѣшательства суть продукты особыхъ паразитовъ, помѣщающихся въ мозгу, и

что эти паразиты могутъ быть уничтожены опредѣленными гигіеническими или терапевтическими мѣрами, то это самое убѣжденіе, эта самая нравственная потребность побудила бы васъ обнародовать ваше открытіе, хотя бы оно вызвало противъ васъ вражду всѣхъ психіатровъ, всѣхъ академій и ученыхъ обществъ, всѣхъ администрацій. Убѣжденіе и нравственная потребность сдѣлали бы страстно желательнымъ введеніе этихъ мѣръ, какія бы непріятности для васъ лично и для многихъ другихъ лицъ изъ этого ни послѣдовали. Вы, вѣроятно, сочли бы обязательнымъ для себя и для всѣхъ, понимающихъ важность вашего открытія, агитировать всѣми средствами для введенія въ психіатрическія больницы и въ общежитія тѣхъ пріемовъ, которые устранили бы разомъ всѣ явленія помѣшательства. Вы считали бы что дѣйствуете во имя очевидной истины, во имя науки; между тѣмъ вся ваша дѣятельность была бы дѣятельность по нравственнымъ началамъ, которыя ограничиваются очень простымъ правиломъ: надо выработать себѣ убѣжденіе, критически провѣрить его и дѣйствовать согласно этому убѣжденію. Всякая истина, не остающаяся теоретическимъ положеніемъ, но вызывающая практическую дѣятельность, есть *убѣжденіе*, когда человѣкъ полюбилъ ее настолько, что готовъ приносить тяжелыя жертвы, лишь бы дѣйствовать сообразно своему сознанію истины; когда онъ готовъ страстно бороться со всѣмъ, что мѣшаетъ ему дѣйствовать такимъ образомъ.

„То, что вы готовы сдѣлать для истинъ, вызывающихъ васъ къ дѣятельности въ химіи или біологіи, то самое другіе хотятъ дѣлать съ такимъ же научнымъ правомъ въ соціологіи. Они пытаются открыть строй общества, наилучшимъ образомъ удовлетворяющій естественнымъ и здоровымъ человѣческимъ потребностямъ. Они хотятъ открыть путь для перехода къ этому нормальному общественному строю. Они считаютъ обязательнымъ для себя, обязательнымъ для общества употребить всѣ усилія, чтобы установить этотъ строй какъ

можно скорѣе, не обращая вниманія на непріятности, которыя окажутся отъ этого для лицъ, эксплуатирующихъ недостатки настоящаго строя. Они готовы на страстную борьбу противъ противниковъ того, что они сознаютъ какъ истину. Все это совершенно научно, и вы сами не поступили бы иначе, если бы дѣло шло не о вопросахъ соціальныхъ. Вы имѣете право оспаривать точность метода мышленія общественныхъ агитаторовъ; доказывать, что они невѣрно понимаютъ человѣческія потребности; что строй, который они хотятъ осуществить, не соотвѣтствуетъ задачѣ, ими себѣ поставленной; что онъ заключаетъ невозможныя условія для практическаго осуществленія. Но если вы признали за ними правильность постановки вопроса, то, затѣмъ, вы должны признать за ними не только право, но и обязанность самой энергичной дѣятельности для осуществленія сознанной имъ соціологической истины, самой энергической борьбы противъ вещей и людей, препятствующихъ этому осуществленію.

„Вы, можетъ быть, считаете, что самый методъ, употребляемый для рѣшенія соціологическихъ вопросовъ, неточенъ; что, при настоящемъ способѣ изслѣдованія, мы не имѣемъ права идти далѣе скептицизма, не имѣемъ повода страстно стремиться осуществить техническіе планы постройки общества, опирающіеся на столь недостаточныя теоретическія данныя; что мы должны быть индифферентны въ нашей общественной дѣятельности, потому именно, что не имѣемъ достаточно данныхъ для научнаго убѣжденія.

„И этого нельзя назвать точнымъ выраженіемъ. При введеніи различныхъ методовъ лѣченія или воспитанія, медики и педагоги имѣли менѣе точныхъ данныхъ, менѣе обширныхъ опытовъ, менѣе матеріала для всестороняго наблюденія, чѣмъ практическіе соціологи нашего времени. Вся исторія представляетъ рядъ соціологическихъ опытовъ, произведенныхъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; это—матеріалъ для обнаруживанія человѣческихъ потребностей, какъ въ ихъ неизмѣнной,

антропологической формѣ, такъ и въ формѣ, измѣняющейся подъ вліяніемъ культуры; это — матеріалъ для обнаруженія большаго или меньшаго соотвѣтствія потребностямъ той или другой формы общежитія; для обнаруженія вліянія на общество законодательства, постепенныхъ или крутыхъ реформъ, внесенныхъ въ общежитіе религіозмымъ вѣрованіемъ, государственною администрацією, распространеніемъ новыхъ привычекъ, новыхъ мыслей, новаго направленія цивилизаціи; это — матеріалъ для обнаруженія соціологическаго значенія революцій въ ихъ генезисѣ и въ ихъ послѣдствіяхъ.

„Всѣхъ этихъ данныхъ совершенно достаточно, чтобы, при добросовѣстномъ стремленіи къ истинѣ, при тщательномъ сближеніи сходнаго и раздѣленіи несходнаго, выработать ясное пониманіе основныхъ соціологическихъ истинъ, т. е. уяснить себѣ естественныя и здоровыя человѣческія потребности, которыя могутъ и должны быть удовлетворены правильнымъ общежитіемъ. Ясность этихъ простыхъ истинъ совершенно достаточна, чтобы на нихъ основать энергическое убѣжденіе, какъ и куда должна быть направлена дѣятельность личности для техническаго осуществленія сознанной соціологической истины, и за тѣмъ, чтобы дѣйствовать сообразно этому убѣжденію.

„Оно такъ и есть на дѣлѣ. Искренній изслѣдователь пишетъ и печатаетъ результаты своего размышленія и своего изученія. Человѣкъ болѣе практическаго направленія мысли предлагаетъ и пропагандируетъ проэктъ перестройки общества. Политикъ, вѣрующій въ дѣйствительность легальныхъ реформъ, государственнаго метода общественной дѣятельности, подаетъ петицію въ парламентъ, пишетъ письма министрамъ и королямъ, защищаетъ свои предложенія въ прессѣ, въ палатахъ, на митингахъ, вводитъ ихъ въ законъ, ставитъ въ защиту ихъ и въ ихъ осуществленіе суды, полицію, армію. Агитаторы, извѣрившіеся въ этотъ методъ соціологической дѣятельности, обращаются къ своимъ единомышленникамъ, къ недовольнымъ, къ подавленнымъ, къ

массамъ; они составляютъ тайныя общества; пускаютъ въ ходъ прокламаціи; подготовляютъ революцію, производятъ ее, и при этомъ пытаются осуществить новый общественный порядокъ.

„Всѣ они дѣлаютъ то же въ сферѣ соціологіи, что физикъ и химикъ въ своей сферѣ. Они экспериментируютъ, одинъ въ болѣе тѣсной, другой — въ болѣе обширной сферѣ, одинъ — вводя въ соціальную комбинацію простой и медленно дѣйствующій реагентъ идеи, другой — дѣйствуя на общество разомъ многими внѣшними и внутренними агентами. И имъ не удается большинство опытовъ, какъ не удавались они ряду поколѣній экспериментаторовъ въ областяхъ другихъ наукъ; только неудачи экспериментаторовъ въ соціологіи записаны исторіею, когда неудачные опыты физиковъ и химиковъ остались лишь въ журналахъ ихъ работъ. Но всякій неудачный опытъ въ какой бы то ни было наукѣ не прошелъ даромъ. Онъ, во первыхъ, указываетъ, чего сдѣлать нельзя, опредѣляетъ болѣе точно условія явленія; во вторыхъ, весьма часто даетъ попутно результаты неожиданные, но весьма важные.

„Такъ было и въ исторіи. Не даромъ развивались экономическія и государственныя теоріи; не даромъ алхимики соціализма, Платоны и Моры, Сен-Симоны и Фурье пробовали свой философскій камень, свой эликсиръ безсмертія; недаромъ государи и министры средины XVIII вѣка экспериментировали помощью реформъ свыше: не даромъ политическіе революціонеры экспериментировали путемъ ряда парламентарныхъ революцій, измѣненія конституцій и кодексовъ. Всѣ эти теоретическіе и практическіе опыты дали свои результаты, совершенно опредѣленные для внимательнаго и безпристрастнаго наблюдателя. Экономическія теоріи привели шагъ за шагомъ къ физіологическому противорѣчію теоріи Мальтуса, къ соціальному противорѣчію неизлѣчимаго пролетаріата, къ историческому противорѣчію неразрѣшимой борьбы между капиталомъ и трудомъ. Алхимія первыхъ соціалистовъ-теоретиковъ привела къ

научной химіи рабочаго соціализма, съ каждымъ годомъ уяспяющаго свою задачу, задачу соціальной революціи, которая можетъ быть произведена т о л ь к о рабочими, т о л ь к о помощью ихъ организаціи и т о л ь к о въ виду строя, гдѣ основнымъ принципомъ былъ бы трудъ, опирающійся на знаніе, гармоническое сліяніе работы мысли и работы рукъ. Деспоты-реформаторы и политическіе революціонеры доказали воочію, что государство безсильно, чтобы внести живой элементъ въ общественную жизнь; что оно, какъ сила всегда притѣснительная, могло играть въ исторіи какую либо прогрессивную роль лишь до тѣхъ поръ, пока общество страдало отъ давленія самыхъ элементарныхъ силъ: религіозныхъ или сословныхъ; но, въ дальнѣйшемъ періодѣ, становится элементомъ, который подавляетъ, развращаетъ общество, всегда вступаетъ въ союзъ съ его эксплуататорами, и по необходимости противодѣйствуетъ всякой организаціи общественныхъ силъ. Мы знаемъ теперь, что самый геніальный деспотъ не можетъ, если бы и хотѣлъ, улучшить положеніе своего народа, а можетъ принести только вредъ. Мы знаемъ, что всѣ политическія революціи могутъ только перемѣстить и переименовать власть, но эта власть, въ той или другой формѣ, сдѣлается всегда давящею для большинства; слѣдовательно, чисто-политическія революціи не могутъ вести къ рѣшенію задачи соціологіи, къ общественному строю, удовлетворяющему естественнымъ и здоровымъ потребностямъ народа.

„ Но выводъ, сдѣланный г. Профессоромъ, что революціи и не могутъ никогда дать иного результата, научнымъ признанъ быть не можетъ. Долго не удавалось разложить щелочи, и ихъ считали неразложимыми, однако же разложили. До сихъ поръ не могли съ достаточною убѣдительностью произвести искусственно организмы изъ неорганическаго вещества, но мы знаемъ, что они когда-то должны были такъ произойти, и очень вѣроятно, что этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ не сегодня, такъ завтра. Революціи были до сихъ поръ

политическими, но доля политическаго элемента въ нихъ уменьшалась, а доля соціальнаго увеличивалась. Великая французская революція заключала уже въ себѣ заявленіе соціальныхъ вопросовъ, которые вовсе отсутствовали въ революціи американской. Революція 1848 г. выставила уже на видъ соціальный элементъ, хотя въ формѣ мало-практической. Революція 1871 г., наконецъ, была вполнѣ соціальною по своей постановкѣ, и примѣсь политическаго элемента была въ ней лишь на столько велика, чтобы убѣдить будущихъ соціальныхъ экспериментаторовъ въ безусловномъ вредѣ подобной примѣси.

„Такимъ образомъ историческій опытъ борьбы соціальныхъ теорій, смѣны различныхъ легальныхъ реформъ и нелегальныхъ революцій далъ въ результатѣ нѣсколько теоремъ совершенно ясныхъ:

„Государство не можетъ быть принципомъ общественнаго строя, удовлетворяющаго политическимъ потребностямъ.

„Экономическія теоріи, опирающіяся на принципъ монополіи, приводятъ къ неразрѣшимымъ практическимъ противурѣчіямъ.

„Противуположеніе капитала и труда не можетъ быть примирено никами легальными формами, никакими конституціями, никакими политическими формулами и революціями.

„Отсюда слѣдуетъ, что строй, удовлетворяющій человѣческимъ потребностямъ, можно искать только уменьшая государственный элементъ въ общежитіи, производя переворотъ не въ политическихъ, а въ соціальныхъ формахъ, не политическими, а соціальными силами, не стремясь примирить несогласимыя стремленія капитала, опирающагося на принципъ монополіи, и труда, опирающагося на принципъ кооперація, но признавая правильность ихъ борьбы на смерть и отрицая практически правомѣрность элемента, опирающагося на монополію, которая теоретически привела лишь къ противорѣчіямъ.

„Устранивъ, такимъ образомъ, изъ силъ, способныхъ

практически рѣшить вопросъ соціологіи, государство и капиталъ, остается посмотрѣть, точно ли трудъ имѣетъ возможность рѣшить его.

„Условія успѣха для соціологическаго элемента суть: возможность прочной кооперації, возможность научнаго отношенія къ вопросамъ природы и жизни, возможность послѣдовательной дѣятельности и крѣпкая организація для общественнаго дѣла. Капиталъ, сущность котораго заключается въ монополіи, въ конкуренціи и въ борьбѣ, не удовлетворяетъ первому условію — добросовѣстной прочной кооперації, и потому именно всѣ экономическія теоріи, имѣющія въ виду его, приводятъ и должны привести къ противурѣчіямъ. Религія не можетъ удовлетворить второму условію — научному отношенію къ дѣйствительности. Государство, по привлекательности власти, было и всегда будетъ поприщемъ интригъ личностей и партій въ борьбѣ за власть, слѣдовательно, представляло и представляетъ смѣну руководящихъ лицъ: государей, министровъ, фаворитовъ, парламентныхъ интригановъ, демагоговъ, художниковъ революцій; поэтому въ немъ отсутствуетъ послѣдовательность. Трудъ именно требуетъ прочной организаціи; онъ можетъ вполнѣ усвоить научную мысль; онъ вполнѣ допускаетъ послѣдовательную дѣятельность; онъ только нуждается въ прочной организаціи, къ чему и стремятся теперь особенно рабочіе, какъ это и высказалъ ихъ представитель. Слѣдовательно, трудъ удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ рѣшенія соціологической задачи, не представляетъ ни одной данной, противурѣчащей этой задачѣ, и наукѣ остается указать ему путь рѣшенія задачи, которую онъ одинъ можетъ рѣшить практически.

„Конечно, методъ доказательства въ области явленій общественныхъ далеко не такъ точенъ, какъ методъ доказательства въ области явленій физическихъ и химическихъ, но на сколько соціологія въ наше время можетъ считаться наукою, на столько для безпристрастнаго наблюдателя, повидимому, должны быть убѣдительны только-что приведенныя передъ этимъ положенія. Прак-

тическое безсиліе государственныхъ мѣръ для увеличенія или даже для охраненія благосостоянія народовъ, доказано всею исторіею, при крайнемъ разнообразіи политической экспериментаціи, независимо отъ теоретическихъ доводовъ. Теоретическое безсиліе политической экономіи, какъ теоріи монопольнаго богатства, очевидно для всякаго, знакомаго съ ея литературою. Непримиримость борьбы капитала съ трудомъ неубѣдительна лишь для того, кто намѣренно слѣпъ.

„Но если оно такъ, то полученныя слѣдствія вытекаютъ съ логическою необходимостью.

„Если же и это такъ, то соціальная революція, разрушающая государственную стѣснительность и оканчивающая неизбѣжный споръ капитала съ трудомъ въ пользу труда, есть столь же научно-желательное соціологическое явленіе, на сколько здоровое питаніе есть желательное явленіе для организма, насколько устойчивость зданія есть желательное явленіе для человѣка, знакомаго съ началами физики и механики.

„Если же соціальная революція есть явленіе желательное, то не только индифферентизмъ относительно ея столь же мало наученъ, какъ индифферентизмъ біолога относительно здоровой пищи, индифферентизмъ физика и механика относительно прочности зданія, но, во имя научнаго сознанія соціологическихъ истинъ, всякій, сознавшій ихъ, обязанъ страстно стремиться къ осуществленію переворота именно въ опредѣленномъ смыслѣ, или онъ не усвоилъ себѣ любви къ истинѣ, не проникся научною неизбѣжностью тѣхъ положеній, которыя считаетъ истиною. Онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія біолога, который не убѣдился, что пескомъ и водою питаться нельзя; на точкѣ зрѣнія физика, который не увѣренъ, что кирпичная стѣна выдержитъ лишь то давленіе, которое для нея выведено опытомъ.

„Опытъ исторіи, выработка теорій, борьба мнѣній и классовъ въ современности достаточны, чтобы составить себѣ ясное понятіе о неизбѣжности соціальной революціи для осуществленія общественнаго строя, сколь-

ко нибудь близкаго къ удовлетворенію естественныхъ и здоровыхъ потребностей человѣка, а, слѣдовательно, и для составленія себѣ твердаго убѣжденія о томъ, что желательно для общества, что обязательно для мыслящаго его члена, на что онъ **должен**ъ положить всю силу своей мысли, всю энергію своей дѣятельности, если только онъ понялъ задачу соціологіи, если усвоилъ полученные ею результаты. если проникся ихъ истинностью, какъ проникся истинностью результатовъ другихъ наукъ.

„Именно во имя научныхъ требованій мысли добросовѣстный ученый соціологъ долженъ стать въ наше время соціальнымъ революціонеромъ и положить всего себя на уясненіе другимъ необходимости соціальнаго переворота, на практическое его подготовленіе, на энергическое содѣйствіе его процессу, на осуществленіе лучшаго строя, когда переворотъ будетъ совершенъ. Не додумываясь до необходимости соціальной революціи, онъ поступитъ ненаучно; не рѣшаясь осуществить ее онъ будетъ непослѣдователенъ; оставаясь къ ней индифферентенъ, онъ заявляетъ свой индифферентизмъ къ истинѣ вообще.

„Но смѣшно желать того, что не въ нашей волѣ исполнить, говорите вы; нелѣпо волноваться отъ фактовъ, совершающихся по неизмѣннымъ законамъ причины и слѣдствія. Почему же вы желаете открыть истину въ химіи? Развѣ это болѣе въ вашей волѣ? Почему вы волнуетесь отъ ошибки въ научномъ доказательствѣ, отъ намѣренной лжи ученаго, признающаго чудо, чтобы пріобрѣсти покровительство клерикаловъ? Развѣ всякая ошибка, всякая ложь не есть необходимый фактъ, совершающійся по неизмѣннымъ законамъ причины и слѣдствія? — Вы требуете индифферентизма, какъ научнаго состоянія духа, но индифферентизмъ къ истинѣ подрылъ бы всю вашу дѣятельность и бросилъ бы человѣчество въ руки партіи господина Инквизитора. Вы не можете желать индифферентизма къ истинѣ; вы должны желать страстной любви къ ней, должны требовать

самоотверженнаго служенія ей. А если вы требуете служенія истинѣ вообще, то и соціологической истинѣ въ частности, т. е. стремленіе къ лучшему общественному строю, борьбу для него, борьбу за него, ненависть ко всему, что мѣшаетъ его осуществленію, разрушеніе всего, что занимаетъ его мѣсто въ обществѣ. Вы не въ правѣ быть индифферентнымъ во имя науки; вы не въ правѣ оставаться чужимъ борьбѣ рабочаго съ государствомъ, его давящимъ, съ капталомъ, его эксплуатирующимъ. Вы должны говорить, что государство не имѣетъ будущаго; вы съ этимъ и согласны. Но вы должны сказать и капиталисту: „Опирайтесь на свой интересъ, на свои наличныя силы, боритесь, если хотите, но знайте, что наука противъ васъ; она доказываетъ, что монополія приводитъ къ противурѣчію, къ неисходной борьбѣ и ничего прочнаго создать не можетъ.“ Вы должны сказать рабочему: „Ваши стремленія согласны съ указаніями науки, но не думайте — какъ это было сказано здѣсь — что, въ случаѣ противурѣчія съ наукою, можно отбросить ее вмѣстѣ съ другими ненужными преданіями гніющаго стараго міра, Наука не изъ тѣхъ силъ, которыя отбросить можно. Кто ее отбрасываетъ, тотъ убиваетъ себя, убиваетъ свое будущее. Лишь то сильно, лишь то прочно, что опирается на науку. И ваши стремленія прочны, потому лишь, что согласны съ е я выводами. О н а именно вамъ доказываетъ, что вы вправѣ бороться съ государствомъ и съ капиталомъ, что вы обязаны съ нимъ бороться, что осуществленіе вашей цѣли возможно“. Вы должны принять участіе въ современной борьбѣ и это участіе, во имя послѣдовательнаго служенія наукѣ, для васъ возможно только въ о д н о м ъ лагерѣ.

„Не называйте, если хотите, этой борьбы борьбою за основаніе царства справедливости. Дѣло не въ названіи. На дѣлѣ всякій борющійся за воплощеніе въ общественномъ строѣ своего личнаго убѣжденія, увѣренъ и будетъ всегда увѣренъ, что онъ борется за справедливѣйшій строй, за справедливость; точно также,

какъ всякій ученый при своей работѣ увѣренъ и будетъ всегда увѣренъ, что онъ ищетъ истину. По этому справедливость не менѣе реальна для человѣка въ практической дѣятельности, какъ истина въ теоретической, а внѣ реальности для человѣка мы не знаемъ никакой реальности. Если вы считаете основаніе царства справедливости фантастическою мечтою, стремленіемъ къ несуществующему, то я не знаю, что вы отвѣтите господину Инквизитору, если онъ назоветъ, — что, мнѣ кажется не очень далеко отъ его мнѣнія — всякую попытку къ логическому доказательству, къ открытію системы научныхъ истинъ, тоже фантастической мечтою, стремленіемъ къ несуществующему. Единственное ручательство для науки, это сознаніе ея истинности послѣ всесторонняго критическаго изслѣдованія. Столь же сильное ручательство имѣетъ за себя и нравственное убѣжденіе, именно такое же сознаніе, послѣ всесторонняго критическаго обсужденія, что такая-то дѣятельность справедлива и нравственно обязательна. Какъ во имя науки можно и должно стремиться мыслью къ систематическому пониманію царства истины, такъ нѣтъ противурѣчія и нѣтъ ничего фантастическаго въ стремленіи осуществить дѣятельностью царство справедливости. Оба царства постепенно могутъ быть воплощены въ исторіи.

„И, при осуществленіи этого царства, сама собою совершается антропологическая задача, которую хотѣлъ бы искусственно рѣшить господинъ Картежникъ, именно вырабатываются новыя расы, но уже совсѣмъ иного рода, чѣмъ тѣ, которыя предначертаны въ его проэктѣ. Возможность выработки новыхъ антропологическихъ особенностей оспорена быть не можетъ: онѣ произошли подъ прямымъ дѣйствіемъ природы или путемъ исторіи, слѣдовательно, могутъ произойти и снова. Естественныя вліянія обособили, въ самое первое время существованія человѣка, негра отъ бѣлаго и отъ краснокожаго. Историческія вліянія обособили національности. Раздѣленіе работъ въ общежитіи настоящаго времени ведетъ мало по

малу къ обособленію типовъ личностей данной цивилизаціи, и только кратковременность каждой цивилизаціи помѣшала антропологическому обособленію средневѣковаго феодала отъ простолюдина, а въ настоящемъ, — типовъ ученыхъ, столичныхъ жуировъ, мелкихъ буржуа, наконецъ, пролетаріевъ, подраздѣляющихся по разнымъ формамъ технической работы и по разнымъ способамъ ихъ эксплуатаціи. Уже теперь довольно замѣтна и была указана наклонность къ противуположенію расъ буржуа и пролетарія, именно въ томъ направленіи, которое указалъ господинъ капиталистъ, здѣсь присутствующій. Но затрудненія здѣсь иного рода. Капиталистамъ надо не только, по ихъ плану, обратить пролетаріатъ въ особую низшую расу и въ рабочій скотъ, но еще не дать этой расѣ погибнуть. Исторія не разъ показывала, что тамъ, гдѣ дѣйствительно превосходство умственнаго развитія въ борьбѣ было весьма значительно на одной сторонѣ, огромное большинство подчинялось горсти беззастѣнчивыхъ смѣльчаковъ, или гибло; что такъ было при столкновеніяхъ бѣлой расы съ племенами краснокожихъ, негровъ, океанійцевъ. Но дѣло въ томъ, что дикія племена въ большинствѣ случаевъ не подчинялись, а гибли, оставляя бѣлымъ природныя богатства страны для ихъ экономической обработки, а будущая господствующая раса монополистовъ не имѣетъ въ виду потерять свой человѣческій рабочій скотъ и приняться сама за черный трудъ. Ей приходится рѣшить задачу несравненно сложнѣйшую, чѣмъ американскимъ конквистадорамъ и піонерамъ: предъ нею классы, которые, въ рядѣ постепенныхъ оттѣнковъ, восходятъ отъ поденщика угольныхъ копей, отупѣлаго вслѣдствіе лишеній и сверхъ-посильнаго труда, до менѣе богатаго буржуа, умственныя средства развитія для котораго весьма немногимъ отличаются отъ средствъ капиталиста перваго разряда. Всѣ эти многочисленные оттѣнки должны быть доведены до одной и той же ступени умственнаго ничтожества. Затѣмъ эту новую расу идіотовъ, годныхъ лишь для черной работы, придется

охранять одновременно и отъ физическаго вырожденія и отъ умственнаго развитія. Именно это составляетъ задачу невыполнимую; именно это противурѣчитъ наукѣ и подрываетъ планы капиталистовъ въ ихъ основѣ. Подъ вліяніемъ ихъ дѣятельности пролетарій будетъ вырождаться и вымирать; если они побѣдятъ, то подъ условіемъ постепеннаго обезлюденія цивилизованнаго міра, какъ Римская имперія удержала свою централизацію подъ условіемъ обезлюденія своей территоріи. Но это самое обезлюденіе подорвало античный міръ, подорвало бы и міръ идеальнаго господства капитала. Представители борьбы за существованіе, въ случаѣ побѣды, дѣйствительно монополизировали бы всѣ средства существованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и совершили бы соціологическое самоубійство, лишивъ себя самихъ источника своихъ средствъ существованія. Капитализмъ и здѣсь, какъ всюду, приходитъ къ внутреннему противурѣчію въ своихъ построеніяхъ.

„Но въ борьбѣ труда съ капиталомъ вырабатывается новая раса, имѣющая возможное будущее, раса съ опредѣленными физіологическими и психическими признаками. Это — раса интеллигентнаго работника, который развилъ въ себѣ тѣлесную силу и ловкость не въ атлетическихъ упражненіяхъ древности, не въ бойняхъ среднихъ вѣковъ, а въ разнообразномъ полезномъ трудѣ; но онъ выработалъ и психическое развитіе, именно обогатилъ свой умъ знаніемъ, доставилъ своей мысли гибкость всесторонним обсужденіемъ вопросовъ теоретическихъ и практическихъ, личныхъ и общественныхъ, изощрилъ въ себѣ вкусъ не къ отупляющимъ наслажденіямъ нынѣшнихъ подавленныхъ массъ, а къ наслажденію развивающимъ общежитіемъ, поглотилъ свои эгоистическія стремленія въ кооперативной жизни съ цѣлью общаго блага, общаго развитія. Всѣ нынѣшнія антропологическіе типы суть результаты раздѣленія работъ, упрощенія личной дѣятельности, и именно потому они ведутъ къ борьбѣ и къ вырожденію человѣчества. Вырабатывающійся типъ интеллигентнаго работ-

ника долженъ быть результатомъ прямо-противуположнаго процесса комбинаціи различныхъ формъ труда и всесторонняго развитія личной дѣятельности. Онъ долженъ вести къ гармонизаціи общества, къ антропологическому развитію человѣчества. Онъ представляетъ всѣ данныя прочности, потому что наиболѣе полно удовлетворяетъ разнообразнымъ естественнымъ и здоровымъ потребностямъ человѣка.

„По этому можно сказать слѣдующее. Если въ борьбѣ капитала съ трудомъ побѣдитъ капиталъ, то осуществится именно предположеніе, здѣсь высказанное, будутъ болѣе и болѣе обособляться расы эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ. Послѣдніе будутъ вырождаться, вымирать, наконецъ вымрутъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ погибнутъ и ихъ эксплуататоры, которые будутъ лишены всего матеріала своей эксплуатаціи. Если побѣдитъ трудъ, то всѣ наклонности къ обособленію антропологическихъ типовъ, теперь существующія въ современномъ обществѣ, атрофируются, такъ какъ всѣ различія расъ, національностей, сословныхъ и спеціальныхъ группъ поглотятся въ обобщеніи единообразнаго типа; всѣ существующіе и развивающіеся типы станутъ исчезать предъ господствующимъ типомъ интеллигентнаго работника, который гармонизируетъ въ себѣ всѣ антропологическія силы, но не монополизируетъ ихъ, потому что монополія предполагаетъ людей, исключенныхъ изъ монополіи, а изъ всесторонняго развитія интеллигентнаго работника не будетъ исключенъ никто, кромѣ неизлѣчимаго идіота, неразвитого ребенка и дряхлѣющаго старца. Если эта новая раса выработается, то для нея не будетъ препятствія въ завоеваніи самаго широкаго будущаго.

„И крестовый походъ противъ науки не такъ рѣшительно невозможенъ, какъ слѣдовало бы изъ словъ Профессора. Религіозная мысль безсильна предъ научною, но господство научной мысли еще очень мало распространено, въ чемъ согласны оба спорящіе, а потому и развитіе ея еще не прочно. Сильна была научная мысль и въ древнемъ эллинскомъ мірѣ, но мало-

численность ученыхъ и ихъ обособленіе позволили ея врагамъ восторжествовать и на полтора тысячелѣтія затормозить ея развитіе. Теперь сдѣлано гораздо болѣе въ смыслѣ педагогическаго распространенія результатовъ науки, но все еще очень мало. Все еще большинство общества, даже среди образованныхъ національностей, совершенно чуждо методовъ строгаго критическаго мышленія, яснаго научнаго пониманія природы и исторіи. Все еще спеціальные ученые стремятся какъ бы составить отдѣльную касту, выдѣляя профановъ, а сами какъ бы чуждаясь тѣхъ вопросовъ, которые волнуютъ ихъ современность. Здѣсь мы даже слышали объ обязательномъ индифферентизмѣ ученаго къ вопросамъ жизни, къ вопросамъ общественной борьбы. Если массы, въ ихъ настоящей борьбѣ за существованіе со своими эксплуататорами государственными и экономическими, на минуту повѣрятъ, что наука точно проповѣдуетъ индеффферентизмъ, что она не помощница имъ въ ихъ тяжелой борьбѣ, а равнодушная зрительница этой борьбы, тогда ученые подготовятъ міру новый періодъ варварства. Массы, неусвоившія необходимости критическаго мышленія, бросятся въ объятія религіозныхъ сектаторовъ; онѣ отрекутся отъ науки; тѣмъ самымъ лишатъ свой взрывъ цѣлесообразности, сдѣлаютъ свою побѣду невѣроятною, торжество свое крайне непрочнымъ; начнется длинный рядъ общественныхъ катастрофъ безъ опредѣленнаго рѣшенія съ перемѣнными удачами; начнется новый періодъ неисходныхъ страданій народовъ; но наука будетъ заторможена, и ея развитіе будетъ остановлено въ пользу религіозной мысли. Лишь сближаясь съ вопросами жизни, лишь участвуя своими силами въ ихъ рѣшеніи, наука можетъ себѣ обезпечить прочное будущее. Лишь установляя гармонію между строгою критическою мыслью и страстною жизненною дѣятельностью, наука себѣ доставитъ неоспоримое торжество. Проповѣдь общественнаго индифферентизма есть для нея не только непослѣдовательность въ мысли, какъ я говорилъ передъ этимъ, это

— самоубійство въ отношеніи ея практическаго вліянія.

„И вотъ я пришелъ къ пункту, въ которомъ расхожусь со всѣми говорившими, и съ тѣми изъ вашихъ товарищей, которые прислали вамъ письменныя мнѣнія. Каждый изъ васъ говорилъ: будущность принадлежитъ намъ. Мнѣ кажется крайне страннымъ, что тамъ, гдѣ въ построеніи будущаго участвуютъ умѣнье, пониманіе и энергія личностей, вы опредѣляете неизбѣжный, безусловно-необходимый ходъ исторіи. Это послѣдовательно лишь для одного изъ васъ, для г. Инквизитора, который допускаетъ, что сверхъестественное провидѣніе ведетъ народы и человѣчество къ цѣлямъ, фатально назначеннымъ свыше. Вы же, господа реалисты разныхъ направленій, можете говорить лишь относительно: будущее принадлежитъ намъ, е с л и въ нашихъ рядахъ будетъ достаточно умѣлыхъ, понимающихъ и энергическихъ людей, е с л и мы не надѣлаемъ ошибокъ, е с л и наши враги не будуть поставлены историческимъ теченіемъ событій въ особенно выгодныя обстоятельства. М о ж е т ъ п о б ѣ д и т ь — каждая изъ партій вами представляемыхъ; п о б ѣ д и т ъ — та, которая сдѣлаетъ наименѣе ошибокъ, которая наиболѣе критически продумаетъ и наиболѣе самоотверженно исполнитъ свой планъ.

„Если ученые станутъ систематически проповѣдывать общественный индифферентизмъ, останутся глухи къ вопросамъ жизни и оттолкнутъ отъ себя живую силу подавленныхъ классовъ, е с л и рабочіе, вслѣдствіе того отвернутся отъ науки и не съумѣютъ организоваться, то борьба государства, духовенства и капитала за господство м о ж е т ъ имѣть самый разнообразный исходъ, конечно временный, эпизодическій, но эпизоды въ исторіи довольно продолжительны, чтобы вызвать множество страданій не только для отдѣльныхъ личностей, но и для цѣлыхъ народовъ. Государство имѣетъ за себя организацію, духовенство — народное невѣжество, капиталъ — громадную экономическую силу. Поэтому шансы ихъ можно считать довольно равными. Тогда

можетъ восторжествовать временно государство, и если оно восторжествуетъ, то въ результатѣ получится китаизмъ, общественный развратъ, окончательная дезорганизація всѣхъ живыхъ общественныхъ элементовъ. Можетъ временно наступить періодъ господства религіозныхъ вѣрованій, періодъ заглушенія научной мысли, и если это случится, то этотъ періодъ, какъ я уже говорилъ, будетъ періодомъ и страшныхъ бѣдствій для человѣчества. Можетъ побѣдить капиталъ, и его торжество было бы началомъ вырожденія и вымиранія человѣчетва. Но всѣ эти возможныя бѣдствія были бы прямыми слѣдствіями неумѣлости и непониманія людей мысли и людей дѣла, неспособности организоваться со стороны представителей труда, неумѣнія додуматься до пониманія гармоніи между задачами соціальной науки и цѣлями соціальной революціи со стороны ученыхъ.

„Можетъ побѣда быть и на сторонѣ труда и науки. Если они побѣдятъ, то лишь эта побѣда дастъ почву для прочнаго будущаго развитія человѣчества, но и эта побѣда лишь возможна, а вовсе не неизбѣжна, не фатальна. Она вѣроятна при согласномъ дѣйствіи научно-развитой интеллигенціи и рабочаго пролетаріата; при уясненіи учеными мысли о строгой научности соціальнаго переворота; при усвоеніи рабочими сознанія, что лишь наука дастъ имъ средства совершить удачно этотъ переворотъ и, главное, упрочить новый общественный строй; при сильной, цѣлесообразной и самоотверженной организаціи пролетаріата; при энергической рѣшимости его не дѣлать уступокъ, не опираться въ борьбѣ на враждебныя ему силы государства и клерикализма; при энергическомъ и самоотверженномъ участіи передовой интеллигенціи въ борьбѣ противъ эксплуатаціи, противъ монополіи, противъ государства за торжество труда, за торжество свободной ассоціаціи, за развитіе расы интеллигентнаго рабочаго, за установленіе царства истины и справедливости.

„Да, будущее не принадлежитъ никому; оно не мо-

жетъ прочно принадлежать ни религіи, ни государству, ни капиталу, но временная побѣда на довольно значительный періодъ возможна для всѣхъ. Будущее принадлежитъ временно тѣмъ, кто умнѣе и энергичнѣе. Наука и трудъ въ ихъ союзѣ одни могутъ дать прочное будущее человѣчеству, но въ данную минуту они должны ему завоевать это будущее. Предъ ними борьба со всѣми разнообразными ея условіями, со всѣми ея измѣнчивыми вѣроятностями; пусть понимающіе развиваютъ въ себѣ страсть къ практической дѣятельности въ томъ направленіи, гдѣ они видятъ истину: пусть борящіеся развиваютъ въ себѣ пониманіе условій борьбы, условій побѣды, условій прочности новаго строя. Каждому участнику въ борьбѣ слѣдуетъ сказать то, что говорилъ вамъ вашъ учитель: развивайте въ себѣ каждый силу мысли и энергію убѣжденія, ясное пониманіе и самоотверженную рѣшимость. Здѣсь условія побѣды. Здѣсь возможное будущее. Будущее вамъ не принадлежитъ, но оно можетъ принадлежать вамъ. Идите и завоюйте его.“

Пока молодой человѣкъ говорилъ, все болѣе оживляясь и не замѣчая насколько онъ задерживаетъ собесѣдниковъ, число ихъ уменьшилось. Въ самомъ началѣ Бабэфъ передалъ имъ въ полголоса названіе города, гдѣ они должны были сойтись слѣдующій разъ. Прежде всѣхъ сталъ обнаруживать признаки нетерпѣнія Инквизиторъ; онъ всталъ, опираясь на палку. Мгновенно выскользнулъ изъ другого отдѣленія таверны молодой семинаристъ съ тупымъ взглядомъ, взялъ его подъ руку, и онъ ушелъ, не оглядываясь, не кланяясь никому изъ собесѣдниковъ. Чрезъ нѣкоторое время посмотрѣлъ на часы Картежникъ, зѣвнулъ нѣсколько искусственно, пошелъ къ дверямъ, остановился, посмотрѣлъ еще минуту насмѣшливо на молодого иностранца, говорившаго все съ большимъ жаромъ на своемъ смѣшанномъ нарѣчіи, и на его двухъ слушателей; за тѣмъ, насвистывая, вышелъ изъ таверны и сѣлъ въ коляску, ждавшую его на

углу. Онъ посмотрѣлъ на часы, сказалъ кучеру: „Lombard street!“, и коляска помчалась.

Пристально глядя на говорившаго, не двигая ни однимъ мускуломъ лица, слушалъ Профессоръ. Когда молодой человѣкъ произнесъ послѣднее слово, онъ быстро сунулъ ему въ руку карточку и сказалъ: „мнѣ некогда; заходите ко мнѣ; здѣсь указаны часы; потолкуемъ.“ Затѣмъ слѣдовалъ холодный полупоклонъ, и ровнымъ шагомъ англичанинъ оставилъ комнату.

Бабэфъ и молодой иностранецъ остались вдвоемъ. Глаза обоихъ горѣли. Разомъ протянули они другъ другу руки. „Выпьемъ нашего французскаго вина,“ сказалъ Бабэфъ своему новому пріятелю. „Дѣло говорите вы, только вамъ бы слѣдовало поучиться говорить по французски правильно, а то чортъ знаетъ что такое?“

Оба засмѣялись, сѣли за столъ и стали разговаривать. Разговоръ ихъ длился долго....